

НАШИ ГЕРОИ

БЕССТРАШНЫЙ „ЯНКО“

В ЭТУ НОЧЬ обер-лейтенант Вейдман был особенно терпелив. Перед самым его носом еще с вечера на столе стояли две бутылки отличного коньяка, «организованного» им у какого-то румынского офицера. Вино было тем более драгоценным, что ради его обер-лейтенанту пришлось выбросить, присланные ему в подарок от жены перчатки, ввиду того, что в момент «организации» вина они оказались запачканными румынской кровью, чем несомненно вызвали брезгливое отношение себе своим

наткнувшись на спящую оборону немцев и вынужденным залезть, в первую очередь, на противника. Выходивших из траншеи, разлее под обстрелом противника.

Вот и как «бесстрашный» Янко преодолел рехметров и ворвался

Майор Орехов

Шел огнем в ночь 1941 год. Над Красной столицей нависла угроза. Но Москва не сдавалась. Подоспели на помощь танки. В небе кружились стервятники.

Говорят участники парада победителей

ЗАДУШЕВНАЯ БЕСЕДА С ДРУЗЬЯМИ
Воткнись пришла с того вечера, когда в Москве проходили парады Победы. Вспоминание тех дней, когда в Москве проходили парады Победы. Вспоминание тех дней, когда в Москве проходили парады Победы.

Они были на параде Победы в Москве

На снимках (слева направо): 1. Командир дивизии, Герой Советского Союза И. В. Бабаев; 2. Командир полка, Герой Советского Союза И. В. Бабаев; 3. Командир полка, Герой Советского Союза И. В. Бабаев.

«Русские! дрожащих у как мог про есла на подст лан ров, проо просто немцы, еще такой фок ка было успоко.

МЫ ВИДЕЛИ СТАЛИНА

ВЕЧЕРОМ ПОС ПАРАДА
— Я уж встречался с...
Сколько мне встречалось...
Вот так же встречался...
Вот так же встречался...
Вот так же встречался...

Наши герои

Письмо друзьям

Письмо танкистов монгольскому народу,
построившему на свои средства танки для
Н-ской части.

*Монголы, слушай наше слово.
Танкисты вам дают ответ:
Громить фашистов нам не ново,
Наш путь — вперед! Иного нет.*

*За сердце Родины сражаясь,
Мы дни и ночи напролет
Сквозь чащу леса пробивались
И двигались вперед.*

*На ваших танках с новой силой
Пойдем фашистов бить в упор.
Мы наградим того могилой,
Кто к нам сюда пришел, как вор.*

*Спасибо вам, друзья монголы,
За вашу помощь в час лихой.
На ваших танках вражьи своры
Пойдем громить стальной рукой.*

На Берлин!

*Монгол и русский дружбой слиты,
Свободой дышат лишь одной.
Их пот и кровь в боях пролиты
За край свободный, край родной.*

*Могучий люд Страны Советов
Друзьям монголам руку жмет.
Примите тысячи приветов.
Привет вам каждый воин шлет!*

Боевая слава «Революционной Монголии»

В.И. Желтов прошел в составе танковой колонны «Революционная Монголия» победный путь до самого Берлина.

Шла суровая осень 1941 года. Фашистские войска рвались к Москве.

На подмогу защитникам советской столицы с Зауралья, из Сибири, с Дальнего Востока прибывали свежие воинские части, соединения. Среди них была и 112-я танковая дивизия. В свое время две ее бригады участвовали в боях на Хасане, Халхин-Голе. Героями тех сражений стали командир вновь созданной дивизии полковник Гетман, начальник штаба полковник Леонов и многие другие опытные танкисты.

...Вспоминается первый бой дивизии на подмосковной земле. Необходимо было прорвать линию вражеской обороны на нашем участке, однако перед нами стоял густой лес, пройти через который легким танкам не под силу, обходы же обстреливались гитлеровцами шквальным огнем.

Подъехал тогда к нашим позициям на машине комдив. Оценив обстановку, он подумал и приказал прорубаться через чащу, и сам, взяв топор, первым пошел делать проход для танков. Чтобы отвлечь внимание гитлеровцев и скрыть наши планы, на ложном направлении имитировалось сосредоточение тяжелых танков. Для этого использовали тракторы-тягачи со снятыми глуши-

телями. Под рев тракторов танкисты прорубались через лес всю ночь, а с рассветом обрушились на фашистов из чащобы танково-десантной атаккой. Выбить вклинившихся в его позиции закаленных в боях на Халхин-Голе танкистов враг не смог.

Небольшим был тот отвоеванный у врага «пятачок» родной земли. Но и по сей день памятна эта победа — первая на боевом пути 112-й танковой по фронтам Великой Отечественной войны.

Всю зиму, весну, лето и осень 1942 года дивизия, переформированная в бригаду, теснила отброшенного от Москвы врага. С боями встречала она и новый, 1943 год.

В январе 43-го, в дни короткой передышки под Наро-Фоминском, танкистов 112-й посетила делегация братской Монголии. Возглавлял ее маршал Чойбалсан. Монгольские друзья еще за год до этого приняли решение собрать средства на танковую колонну для сражавшихся тогда под Москвой воинов-дальневосточников, которые вместе с монголами бились за независимость их родины на Халхин-Голе.

И вот настал волнующий день церемонии передачи бригаде этих танков. Маршал Чойбалсан с обтянутой кумачом трибуны зачитывает решение правительства МНР о присвоении 112-й танковой бригаде (тогда уже Краснознаменной) наименования «Революционная Монголия». По поручению правительства он передает бригаде тридцать два танка Т-34. Поблескивая свежей краской, они стояли на платформах железно-

Командование 1-й Гвардейской танковой армии с гостями — посланцами трудящихся Монголии. Второй справа — М.Е. Катукوف

дорожного эшелона с надписями на башнях — «Сухэ-Батор», «Маршал Чойбалсан», «Хатан Батор Максаржаб»...

Перед боями начальник политотдела бригады Василий Трофимович Помазнев рассказал танкистам о тех героях, чьи имена начертаны на вверенных им танках. О Сухэ-Баторе, Чойбалсане слышали все, а вот о Хатан Баторе Максаржабе, например, танкисты, получившие танк с его именем, не знали.

— Соратник Сухэ-Батора, богатырь, которого, по народной молве, не брали ни копье, ни пули, — пояснил Помазнев.

На танке «Сухэ-Батор» воевал лихой комбат майор Боридько, на танке «Маршал Чойбалсан» — экипаж лейтенанта Леушина. В батальоне майора Орехова были танки «Хатан Батор Максаржаб», «Чекист Монголии», «Монгольский арат», «От интеллигенции МНР», «Совет Министров МНР» и другие.

Делегация МНР вручает 44-й Гвардейской танковой бригаде знамя. Март 1944 года

Одной из славных страниц в летописи бригады «Революционная Монголия» стало ее участие в сражении на Курской дуге. В первых же июльских боях 43-го у Верхопенья, в так называемой Долине смерти, батальон Боридько уничтожил девять «тигров», двенадцать средних танков, два самоходных орудия, тридцать пушек, свыше ста солдат и офицеров врага. Боридько первым в бригаде был удостоен высокой монгольской награды — ордена Боевого Красного Знамени. Всего бригадой за восемь дней боев было уничтожено семьдесят два вражеских танка, в том числе тридцать один «тигр». Полковник Гетман в Курском сражении был уже командиром корпуса, и командовал бри-

гадой бывший начальник штаба, Герой Халхин-Гола, полковник Леонов. За проявленный подвиг и героизм бригада была награждена монгольским орденом Боевого Красного Знамени. Победителем из схватки с пятью «тиграми» вышел в тех боях экипаж танка «Маршал Чойбалсан». Его командир лейтенант Леушин, механик-водитель старшина Токарев и стрелок-радист сержант Окунев были отмечены монгольскими орденами.

Экипажем «дружбы народов» называли в бригаде танкистов старшего лейтенанта Маслова. Сам Маслов был русский, механик-водитель Наумов — тунгус, заряжающий Беккуров — осетин, башенный стрелок Бондарь — украинец. Ну, а их машина — дар монгольских братьев.

Особое задание получил экипаж Маслова в первых же июльских боях: перекрыть дорогу, по которой фашистские «тигры» пытались обойти позиции бригады.

Тактику боя отработали заранее. Исходили из того, что тяжелый «тигр» неповоротлив, а Т-34 — маневренен. Следовательно, пока «тигр» развернется, на «тридцать четверке» можно с короткой остановки успеть выстрелить и тут же уйти в укрытие, чтобы затем появиться в новом месте и проделать то же самое. Именно так действовал экипаж Маслова. Не прошли «тигры» на его участке в обход бригады. Три танка масло-вцы подбили, а остальные, пятась, поспешно отошли. За этот бой весь экипаж был удостоен советских и монгольских правительственных наград.

В конце июльской битвы осколок снаряда смертельно ранил комбрига полковника Леонова. Командование принял начальник штаба бригады подполковник Гусаковский. Будучи раненым, с забинтованной рукой, он сам повел батальоны в наступление.

Бригада за те незабываемые бои 43-го года была удостоена звания Гвардейской и переименована в 44-ю...

Яркой страницей на боевом пути бригады стали бои за украинский город Бердичев. Мужеством и храбростью отличился в тех боях на танке «Монгольский чекист» гвардии лейтенант Петровский, ставший потом Героем Советского Союза, генералом.

Одно время фашисты объявляли по радио для своих летчиков: «Внимание! В воздухе Покрышкин!» Это о легендарном советском летчике. Примерно так же оповещали по танковым рациям друг друга гитлеровцы, когда на поле боя появлялся «Монгольский чекист». Двумя меткими залпами по головной и задней машине застопорил однажды Петровский целую колонну вражеских автомашин и орудий, а затем, воспользовавшись минутным замешательством врага, при поддержке танка «От промокооперации МНР» огнем и гусеницами уничтожил сразу тридцать автомашин, десять пушек, сто пятьдесят вражеских солдат и офицеров.

Так же по-геройски громил вражеские ряды воевавший на танке «От интеллигенции Монголии» гвардии лейтенант Самыш-

кин. «Будут фрицы уважать интеллигенцию Монголии», — шутили тогда в бригаде.

Бесстрашно и дерзко действовал в боях за Бердичев батальон гвардии майора Орехова. Штурмом прорвались ореховцы сразу к центральной площади города. Опомнившись от замешательства, гитлеровцы бросили против прорвавшегося батальона чуть ли не целую дивизию. Лишь превосходившими по численности силами они сумели окружить ореховцев, но заставить батальон отойти не смогли. Пять суток фашисты держали шквальным огнем танкистов в машинах, а приданный батальону десант — под танками. С десантниками батальона был тогда и начальник политотдела бригады Помазнев. Никогда не забыть ему этих пяти суток.

— Что не было у нас пищи — полбеда, — вспоминал он. — Хуже с водой. Запасы во флягах иссякали, и мы слизывали проступавший по утрам на камнях мостовой иней, тем и спаслись от истязавшей жажды.

У батальона кончались боеприпасы. Особо рьяно обстреливали гитлеровцы танк комбата Орехова «Совет Министров МНР». Вся его броня была исполосована осколками снарядов, но рация в нем еще работала. Орехов решил на последнее: он вызвал на себя, на занимаемую батальоном площадь, шрапнельный огонь своих орудий. Только так можно было еще сдержать на какое-то время наседавших со всех сторон фашистов.

Связь с командованием бригады стала прерываться. Но из обрывков ответа комбрига он понял: у стен города стоят готовые

прийти на выручку батальоны Боридько и Карабанова. Но как им прорваться к занятой Ореховым площади? Как разведать возможные проходы через развалины домов? Прорыв ночью без проводника, вслепую, обречен на провал.

Орехов обратился к саперам-десантникам. Добровольно вызвался разведать подходы гвардии старшина Янченко. Проскользнуть через цепи фашистов даже ночью было невероятно трудно. Янченко решил проползти в белом маскхалате по льду реки. Местами, где лед был разбит снарядами, ему приходилось плыть в ледяной воде. От ударившего ночью мороза вся одежда на старшине превратилась в гремящий, как доспехи рыцаря, ледяной панцирь. Выбравшись на окраину города, Янченко обнаружил, что здесь почему-то не было фрицев. И тут же понял: подтаявший снег обнажил множество противотанковых мин — 50 штук он сам разминировал. Здесь и прошли на выручку батальону наши танки.

Увидев потом своего десантника в ледяном панцире, Орехов удивился: «Как же ты выжил?» — «Надо было выжить, товарищ гвардии майор, вот и выжил», — услышал он в ответ.

Время не стирает из памяти подвиги танкистов «Революционной Монголии». О них помнят и те, кому довелось пройти сквозь огненные годы Великой Отечествен-

ной войны, и те, кто знает о войне из книг и по кинофильмам.

Неподалеку от мест первых боев бригады в подмосковном городе Чехове при средней школе № 1 создан музей боевой славы бригады «Революционная Монголия». В том же городе в память о павших танкистах воздвигнут монумент — легендарный Т-34, установленный на пьедестале.

Газета «Новости Монголии», 24 февраля 1982 г.

Сталинская похвала

(Отрывок из поэмы «Полковник»)

Он шел в солдатском полушубке
С драгункой старой на спине.
Тянулся дым из тонкой трубки.
Подсумок, фляга на ремне...
Металл свистел над полем боя.
Тот бой судьбу страны решал —
Уже на землях Подмосковья
Гудериан в ту ночь стоял.
Но вот полковника с драгункой
Нагнал боец среди села
И доложил, застыв, как струнка:
— К прямому вас зовет Москва.
Свернув с проторенной дорожки,
Село полковник миновал,
Вошел в холодную сторожку
И торопливо трубку снял.
Знакомый голос слышит он:
«Был только что я у наркома...»
И вдруг кремлевской башни звон —
Часы пробили полшестого.
А голос внятно продолжал:
«Доволен вами очень Сталин,
Богатырями всех назвал,
Хвалил за то, что устояли...»
И слово каждое сквозь вой
Свинцовой вьюги долетало,
Врывалось в сердце, как прибой,
И песней радости звучало.
Над лесом встал уже рассвет.
Полковник вышел на дорогу.
— Нет, не сдадим Москвы мы, нет! —
Промолвил, сгорбившись немного...

*И вот уж он стоит на танке,
Вокруг него буран вихрит.
Окинув строй, вдруг снял ушанку.
— Орлы, — солдатам говорит, —
Вы честь себе завоевали.
За то пред вами шапку снял,
Что сам Нарком — товарищ Сталин —
Богатырями вас назвал.
Что есть превыше этой чести?
За словом Сталина — народ!
Так нам ли снег топтать на месте?
Даю приказ — идти вперед!*

*Пошли... Гремит, бушует бой,
Слились разрывы в дикий вой,
Свинец по снегу строчки пишет,
Но каждый помнит, каждый слышит:
«За то я шапку снял пред вами,
Что вас назвал богатырями
Товарищ Сталин и народ!» —
И, смерть презрев, идет вперед.*

*Но вот преграда — дот врага.
В ложбине рота залегла.
— Прощай, земляк, — боец сказал
И руку друга крепко сжал.
— Умрешь, Иван, ужель охота?
— Умру один, прорвется рота!
Иван подполз, Иван встает
И грудью падает на дот.
Предсмертный блеск в его очах
И слово «Сталин» на устах.
Оно бойцов на штурм ведет.
Вот с ним другой под танк ползет.
К груди прижал он две гранаты,
Вот пальцы рук его разжаты,*

У сердца грянул мощный взрыв.
В последний раз глаза открыв,
Он, умирая, шепчет: «Сталин».
Смертельно танк врага ужален.
Еще один бросок вперед —
И рота в рост уже встает.
Гремит победное «Ура!» —
Отвага русская взяла.

Спустился вечер сизой дымкой,
В сторожке светится коптилка.
С лица смахнувши черный пот,
Полковник трубку вновь берет:
— Алло... Центральный, штурм, Москва...
(С трудом слетают с уст слова.)
— Отброшен враг, иду на Тулу!
Уже не слышно битвы гула.
Идут по городу бойцы,
Победы славные творцы.
Они прошли в огне суровом,
Неся в сердцах своих два слова,
Что их в атаку поднимали.
Два слова тех — «любимый Сталин».

А.Л. Гетман

Поэма «Полковник» посвящена Андрею Лаврентьевичу Гетману, командующему 112-й танковой дивизии, прибывшей с Дальнего Востока осенью 1941 года. Он воевал на Хасане, Халхин-Голе и во время боев в Подмоскowie показал себя талантливым полководцем. Впоследствии командовал прославленным 11-м Гвардейским танковым корпусом, стал Героем Советского Союза, вырос в звании до генерала армии и на всем своем боевом пути проявлял ярчайший талант военачальника.

Ю. С. Соколов

Отец и сын

Посвящается Герою Советского Союза
Юрию СОКОЛОВУ

*Выл свинец и кони ржали,
Шашки змеями сверкали,
Мчались конники лихие —
Усачи и молодые —
По степям, вдоль буераков,
Гнали прочь белополяков.*

*Сумрак наземь уж ложится,
Ночь спустилась черной птицей.
Кони, люди задремали —
Эскадроны на привале.*

*Но не дремлет подлый враг,
Он тайком, за шагом шаг,
Пробирается в тиши
По степной ночной глуши.*

*Вот уж он со всех сторон.
Грянул бой — и снова стон,
Снова все вокруг грохочет,
Едкий порошок горло точит.
День прошел, закат пылает,
Битвы гром не утихает.
Вдруг среди горящих нив
Разнеслось — «Убит комдив!»*

*Ночь, расправив крыльев ширь,
Вновь спустилась. Спит ковыль.
Но не дремлют эскадроны,
У раскинутой попоны
Стяг дивизии склонили,
Прах в могилу опустили...
Не забудь, родимый край,
Их последнее «прощай».
Снял папаху с лентой алой
Командир полка удалый
И сказал:
— Комдив наш, братцы,
Дал наказ нам не сдаваться.
Чужда русскому неволя,
Так играй, горнист, «по коням» —
Иль свобода, или смерть!*

*Прозвучала горна медь
Трелью бисерной проворной.
В бой помчались эскадроны,
В мыльной пене удила,
Вот уж грянуло: «Ура!»*

*Вот и польские траншеи.
Засверкали шашки-змеи.
Миг, другой — и враг бежит,
Степь от топота дрожит.
Впереди всех с лентой алой
Командир полка удалый,
Конь под ним ретив и лих...*

*Но прервись на этом, стих,
Дай годам пройти немалым.
Под советским флагом алым
Расцветал Союз могучий,
Пока вновь свинцовой тучей
Не нагрянула война.
Поднялась на бой страна.*

*Поседевший генерал
Сына-воина обнял,
Слез не выронил из глаз,
Только дал ему наказ:
— Был я конником когда-то,
Знал одно я твердо, свято:
Шашка в ножны не кладется,
Пока сердце твое бьется,
Пока есть хоть капля крови! —
Молвил он, нахмутив брови.
Проводил отец... И вот —
Сын-танкист пришел на фронт.*

*Степь молчит, и ночь тиха —
Тишина в тылу врага.
Вот железная дорога
Протянулась по-над логом.
Паровоз, столбы считая,
Шпалы тяжестью вминая,
Тянет танков эшелон,*

*А в саду — готов заслон.
Сын седого генерала
Ждет момента для начала...*

*Развернулся танк на месте,
Паровоз на перекрестье,
Выстрел — искры, пар и дым,
Плотным облаком седым
Все вокруг обволокло,
Затуманилось стекло.*

*Вражьи пушки развернулись,
Залпом злобно огрызнулись,
Засвистел болванок град —
Вкруг заслона суций ад...*

*Но герой стоит на месте,
Танк восьмой на перекрестье.
Помнит сын наказ отца,
И смертельный шквал свинца
Не страшит его нимало,
Слышит голос генерала:*

*«Шашка в ножны не кладется,
Пока сердце твоё бьется,
Пока есть хоть капля крови!»
И опять по вражьей своре
Бьет из пушки воин славный...*

*Злись, беснуйся, враг коварный,
Ты силен, но ты умрешь,
Здесь могилу обретешь,
Потому что здесь, у вала —
Сын седого генерала!*

Из истории части

В конце 1943 — начале 1944 были освобождены города Житомир, Новоград-Волынский, Белая Церковь, Бердичев и другие. Наступавшие в составе ударной группировки фронта войска 38-й и 1-й танковых армий теснили врага в направлении Винницы. Противник имел задачу отбросить наступавших на Винницу, обеспечить окончание работ по подготовке оборонительного рубежа по реке Южный Буг, а в дальнейшем нанести контрудар в северном направлении.

Разгадав замыслы врага, командование фронта обеим армиям поставило задачу: наступлением на винницком направлении разгромить вражеские резервы и парализовать их дальнейшую переброску.

...Умело обходя опорные пункты противника, передовой отряд 45-й Гвардейской танковой бригады в составе батальона автоматчиков и танковой роты стремительно двигался к железной дороге южнее Винницы. Первым прорвался к железнодорожному полотну в районе деревни Янков танк лейтенанта Ю.С. Соколова с группой разведчиков на броне. Поставив машину в засаду, танкисты совместно с разведчиками взорвали несколько участков железнодорожной линии. В это время они увидели вдали дымок паровоза. Вскоре из-за поворота показался состав. Он шел со стороны Жмеринки к Виннице. В голове и хвосте эшелона — вагоны с солдатами, в середине — девять платформ, груженых самоходными орудиями.

*44-я Гвардейская танковая бригада
«Революционная Монголия» на марше*

Лейтенант Соколов принял решение уничтожить эшелон. Дождавшись нужного момента, он первым выстрелом пушки разворотил котел паровоза. С шумом вырвался пар. Тяжелый состав, пройдя по инерции еще несколько метров, остановился. А выстрелы следовали уже один за другим. Пламя охватило вагоны и платформы. Фашистские солдаты и офицеры выскакивали на землю. Многие из них тут же были уничтожены огнем пулемета и автоматов. Но значительное число гитлеровцев уцелело, и они начали окружать танк. Экипаж и разведчики заняли круговую оборону. Кончились боеприпасы. Казалось, врагу удастся расправиться с горсткой смельчаков, но в самый критический момент подоспели остальные танки роты. Экипажи ее командира старшего

лейтенанта А.И. Мазалова, а также лейтенантов В.Н. Максакова, Петрова и других с ходу вступили в бой и довершили начатый танком Соколова разгром вражеского эшелона.

В результате этих смелых действий было уничтожено свыше трехсот вражеских солдат и офицеров, а также пять самоходных орудий. Прорывом к железной дороге Жмеринка — Винница движение по ней было прервано на трое суток.

К исходу дня передовой отряд 45-й Гвардейской танковой бригады прорвался к Ярышевке и с боем захватил в районе этого населенного пункта переправы через Южный Буг.

За проявленные доблесть и отвагу участники этого боя были награждены орденами и медалями, а лейтенант Ю.С. Соколов удостоен звания Героя Советского Союза.

Продолжались бои в том же районе. 10 января противник начал выдвигать крупные силы со стороны Винницы и из района южнее Жмеринки. Мы же располагали там лишь ослабленными в боях передовыми отрядами. В результате уже в тот день передовые отряды подверглись первым вражеским контратакам. Однако, усилия противника отбросить наши части от Южного Буга не увенчались успехом. Переправы остались в руках советских воинов. В боях, продолжавшихся весь день, гитлеровцам был нанесен немалый урон.

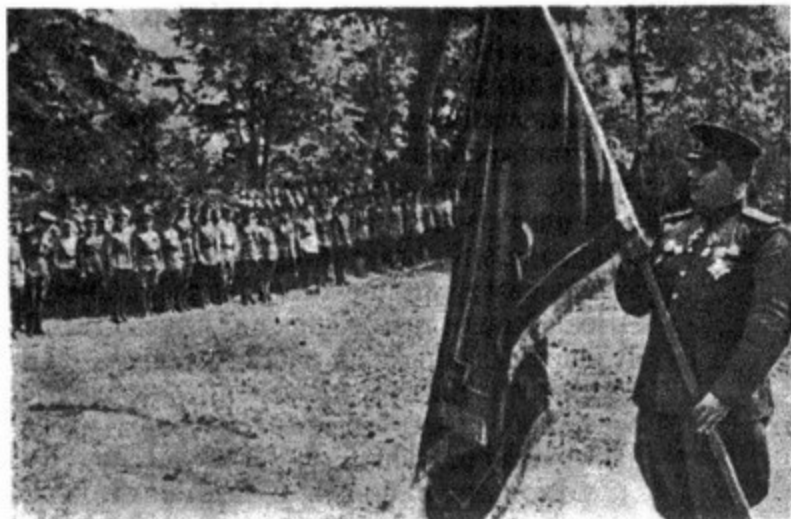
Умелые и отважные действия передовых отрядов получили высокую оценку. Весь их

личный состав был удостоен правительственных наград, а механику-водителю танка В.М. Гинтовту, заменившему командира — старшего лейтенанта А.И. Мазалова, павшего смертью храбрых в боях за переправу, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Еще более ожесточенными были бои 11 января, когда противник бросил в контратаку две группы пехоты с сотней танков. Этим он не только воспрепятствовал выходу наших главных сил к Южному Бугу, но и поставил в тяжелое положение передовые отряды обоих наступавших корпусов. Им был дан приказ отступить.

Отходили с боями в исключительно сложных условиях. Нередко прорывались через заслоны обходившего нас врага. Не раз контратаковали. Умело маневрируя, наши танки небольшими группами с десантами автоматчиков заходили во фланг и в тыл наступавшего противника и внезапными ударами дезорганизовывали его действия. Трудно перечислить всех отличившихся в этих боях воинов корпуса. Например, экипаж танка лейтенанта В.Н. Максакова, геройски сражавшийся во время наступления, продолжал громить врага и в дни отхода. Только с 14 по 17 января он уничтожил три вражеских танка, из них два «тигра». Все члены экипажа получили высокие награды, а их командиру было присвоено звание Героя Советского Союза.

В истории части отмечен еще один герой по имени Юрий Соколов. Его часто путают с Героем Советского Союза Ю.С. Соколо-

*После боев на Курской дуге. Вручение 11-му
Гвардейскому танковому корпусу Гвардейского знамени*

вым. Оба героя, но первый из них погиб очень рано — в девятнадцать лет — в жестоких боях в 1943 году на Курской дуге. Друзья героя написали его матери письмо.

«Мы, друзья и боевые товарищи Юрия Соколова, вместе с Вами глубоко переживаем тяжелую утрату. В жестоких боях с врагом погиб замечательный патриот нашей Родины, отважный комсомолец, верный друг и товарищ, Ваш сын — Юрий Соколов.

Вы можете гордиться Юрием. Он пал смертью героя и заслужил вечную любовь нашего народа. В тяжелом бою Юрий Соколов вел себя достойно и храбро и не уронил чести русского офицера и гвардейца. Его экипаж в открытом бою с численно превосходящими силами противника уничтожил широко рекламированный нем-

цами тяжелый танк «тигр» и один средний танк. Юрий был одним из тех, кто грудью своей преградил путь врагу, сорвал его коварные планы. В своей записной книжке Юрий писал: «Мне не страшно умереть, товарищи. Это — счастье умереть за свой народ».

Юрий ненавидел всей душой, всей своей молодостью заклятого врага. Он рассчитался с ним сполна. Мы, его товарищи-гвардейцы, обещаем за смерть нашего любимого комсорга отплатить врагу потоками его черной крови. Мы это сделаем.

Крепко жмем Ваши руки. Боевые товарищи Юры».

В ответ на это письмо мать Соколова писала: «Дорогие друзья и товарищи моего сына Юрия Соколова!

Получила ваше соболезнование. Потеряла я сына, мою гордость. Все девятнадцать лет его жизни приносили мне только радость и утешение...

...Я была уверена, что и на ратном поле сын мой будет передовым офицером. Юрий писал мне, что счастлив и гордится тем, что служит в прославленной гвардейской части. Немецкая погань вырвала у меня моего Юрия. Нет в ваших рядах смелого и отважного офицера. Отомстите, товарищи-гвардейцы, за смерть Юрия, мстите извергам за наших павших героев-гвардейцев.

Опишите, как погиб друг и товарищ Юрия — Вова Шаландин, с которым они вместе закончили училище. Он дорог мне, как и мой Юра, как и все вы, наши советские воины.

Желаю Вам успеха. С приветом — мать Юрия Соколова — О.Г. Соколова»

Вот как погиб Владимир Шаландин

Жестоко обстреливали немцы массированным артиллерийским огнем и бомбардировали при помощи авиации один из наших оборонительных рубежей. Двинувшись в атаку, немецкие танки с ходу открыли огонь. Впереди шли «тигры». Танк гвардии лейтенанта Шаландина метким огнем поджег три немецких танка. Немцы поспешно повернули назад, но, перегруппировавшись, снова бросились в атаку.

Немецкие танки зашли во фланг роте гвардии капитана Бочковского. Перед комсомольским экипажем Шаландина встала задача принять на себя удар врага и защитить своих товарищей.

Танк Шаландина смело бросился в атаку и, стреляя с ходу, метко бил по врагу. Но немецкий снаряд поджег его.

Когда после боя танкисты отыскивали сгоревшую «тридцатьчетверку», они увидели в ней обуглившийся труп Володи Шаландина. Герой сидел в танке, склонившись за пушкой.

П.И. Орехов

Майор Орехов

Шел огненный 1941 год. Над красной столицей нависла угроза. По мерзлой земле Подмосковья алчно рыскали немецкие танки. В небе кружились стаи «стервятников».

В эти горячие дни и прибыл на фронт молодой офицер Петр Орехов. Воспитанный на лучших традициях танкистов-дальневосточников, он отличался исключительной военной четкостью и выучкой. Все это сочеталось с проникновенностью в отношениях со своими подчиненными. И каждый воин его роты гордился своим талантливым командиром.

...В те дни земля и небо дышали зноем. Пыль разъедала потные лица. Едкая гарь точила горло. Десятки километров русской земли были объаты свирепым огнем сражений.

Офицер Орехов был впереди — в боевых порядках своего подразделения. В панораме танка ему хорошо были видны бугор и волнистое море ржи, превратившиеся в целое кладбище горелых немецких танков. Подразделение Орехова уничтожило уже около трех десятков этих бронированных гадин, но враг упорно лез напролом.

На дымном горизонте показалась новая партия вражеских танков, раза в три превосходящая по силам подразделение Орехова. Наступила решающая минута. Орехов смело выдвинулся вперед и метким огнем лично уничтожил шедшего впереди «тигра». Следуя примеру своего командира, танкисты стремительным броском вперед и умелым маневром на поле боя отбили и эту атаку.

Новый, 1944 год пришел к нам в самый разгар зимнего наступления Красной Армии. Подразделение Орехова вновь совершило героический рейд в тыл неприятеля, отрезая ему пути отхода...

Ожесточенно сопротивляясь, немцы закрепились в городе. Всесокрушающей лавиной танкисты Орехова ворвались в самое сердце города. Пять непрерывных дней и ночей разъяренные фашисты осаждали смельчаков, но танкисты Орехова превратили свой четырехсотметровый плацдарм в неприступную крепость, разделявшую оборону противника в самой ее середине.

Слава русскому офицеру — герою Петру Орехову! Слава его доблестным воинам-танкистам! По праву гордятся они своим командиром. Такими, как он, гордится Родина!

Из истории части

Танковые батальоны гвардии майора Орехова и гвардии капитана Карабанова, достигнув предместий города Бердичев, совершили короткий артиллерийский налет по обороне противника и, продолжая вести огонь, с ходу ворвались в город.

Немецкое командование немедленно подбросило в город свои резервы и, не считаясь с потерями, повело бой на окружение. Утром 31 декабря противнику удалось замкнуть кольцо вокруг ворвавшихся в город батальонов майора Орехова и капитана Карабанова.

В руках наших танкистов осталась одна городская площадь не более четырехсот метров в диаметре. На этом куске земли гвардейцы, осаждаемые со всех сторон противником, продержались пять суток. Тяжелыми были эти дни. Танки противника нередко подходили к площади на расстояние 30—40 метров, но танкисты, искусно маневрируя за домами, смело и решительно контратакуя врага, неизменно побеждали его своей богатырской стойкостью, умением, мужеством и отвагой.

Наивысшего напряжения бой достиг 3 января 1944 года. В этот день на крышах домов появились немецкие пулеметчики. На площади невозможно стало передвигаться даже ползком. На улицах появились «тигры».

Под прикрытием их огня двигались большие группы автоматчиков.

Майор Орехов обратился по радию ко всем экипажам с призывом стоять насмерть. Выстроив свои танки в каре, гвардейцы приняли бой. Первым огонь открыл лейтенант Субач. Находясь в засаде, он заметил, что к мосту подбирается группа немецких саперов с толом. Меткой пулеметной очередью он скосил гитлеровцев, не дав им заложить взрывчатку. В это время справа появилась «пантера». Маневрируя за постройками, она подошла к танку Субача на расстояние около двухсот метров. Находчивый танкист немедленно сдал назад, проломил стену деревянного сарая, вышел «пантере» во фланг и зажег ее первым же снарядом. В двухстах метрах от танка Субача, на перекрестке двух улиц стоял другой наш танк. Он был подбит немцами три дня назад. Из экипажа невредимым остался только радист — гвардии младший сержант Беликов. Несмотря на контузию, он не покинул своей машины и в течение трех суток непрерывно отбивал атаки нападающих на него танков и автоматчиков врага. За это время он уничтожил одну немецкую пушку, тринадцать автомашин и более тридцати солдат и офицеров. Теперь немцы двигались на него одновременно по двум улицам. Но гвардеец продолжал отбиваться. Короткие очереди его пулемета вынуждали гитлеровских автоматчиков прятаться. Весь день пытались фашисты подползти к советскому танку, но все их попытки оставались безуспешными.

Так же стойко обороняли свои рубежи и многие другие.

Когда танкам противника удалось прорваться к площади, гвардии старшина Миронов по узким переулкам города вывел свою машину в тыл наступающим немцам и внезапным налетом сорвал их атаку. Весь этот день старшина Миронов действовал в тылу врага и уничтожил одну «пантеру», десять автомашин, четыре пушки и около тридцати немецких солдат и офицеров.

Один танк, находившийся в засаде, немцам удалось подбить. Командир, механик-водитель, башнер были ранены. Гитлеровцы окружили машину и предложили экипажу сдаться в плен. В ответ на это радист Новиков открыл пулеметный огонь. Вскоре он оттеснил немцев и быстро исправил машину. Опомнившись, гитлеровцы вновь бросились к танку, вскарабкались на броню, но гвардеец резким разворотом башни сбил их с танка, отвел машину в укрытие и вновь обрушился на фашистов меткими очередями своего пулемета.

Весь день немцы пытались захватить площадь, на которой находились гвардейские танки. С наступлением сумерек к площади подошел «тигр» и, укрывшись за домами, открыл методический огонь. Тогда сапер Кальченко взял три противотанковые гранаты и, пробравшись к «тигру» под шквальным пулеметно-автоматным огнем, взорвал его, уничтожив при этом весь экипаж. В полночь немцам удалось ворваться на площадь.

Орехов вызвал на себя огонь нашей артиллерии, затем гвардейцы бросились врукопашную. И атака врага была вновь отбита.

Г.С. Петровский

Кончались боеприпасы, но тут к площади прорвались наши наступавшие части. За один только день гвардейцы Орехова и Карабанова уничтожили девять немецких танков, семь самоходных орудий и более двухсот пятидесяти солдат и офицеров противника.

За время Казатинско-Жмеринской операции 1-я танковая армия нанесла противнику большие потери в живой силе и технике. Родина высоко оценила стойкость и массовый героизм личного состава 44-й Гвардейской танковой бригады. В приказе Верховного Главнокомандующего от 5 января 1944 года ее воинам была объявлена благодарность. Бригада полу-

чила почетное наименование Бердичевской. Ей в числе других соединений, освобождавших город, в тот день салютовала столица нашей Родины — Москва. Почти все воины бригады были награждены орденами и медалями. Командиру 2-го танкового батальона майору П.И. Орехову и командиру взвода лейтенанту Г.С. Петровскому были присвоены высокие звания Героев Советского Союза. Они, а также капитан А. А. Карабанов, майор Ф.И. Боридько и многие другие офицеры бригады стали кавалерами ордена Красного Знамени Монгольской Народной Республики. За доблесть и мужество комсомолец младший сержант П.А. Беликов был награжден орденом Славы 3-й степени.

Во имя Родины

В этот вечер, как и всегда, в ленинской комнате собрались почти все бойцы и сержанты подразделения. Кто-то из молодых бойцов прочитал вслух написанные на кумачовом щите слова присяги: *«Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом».*

— Только это правильно понимать надо, — вступил в разговор старшина Янченко.

— Что? — не понял молодой боец.

— А вот эту фразу: «Не щадя своей крови и самой жизни», — пояснил старшина. — На

войне подчас кажется, легче умереть, а надо жить. И если уж отдавать свою жизнь, так не задаром.

Помню ворвались мы в Бердичев. И пока уличные бои вели, немцы нас обошли и отрезали. В наших руках осталась одна городская площадь — не более четырехсот метров в диаметре. Справа, за домами, — немецкие «тигры», слева — артиллерийская батарея, а на крышах кругом автоматчики. Голову поднимаешь, по тебе сразу же со всех сторон огонь открывают. А ночью, проклятые, как только слышат разговор где-нибудь, так по звуку и начинают строчить, не жалея ни патронов, ни времени.

Четыре дня лежали мы на этой площади. Есть не хочется — еда на ум не идет, а пить — кажется, бочку бы выпил. И до колодца рукой подать, да немцы сдвинуться не дают с места. Кто руками, кто штыком выкопал себе окоп, чтобы от пуль укрыться, и сидели. Губы у всех от жажды потрескались. Иней с камней слизывали. Умереть было бы легче, чем жить, перенося такие муки, да нет тебе на то права, чтобы умереть. До последней крайности жить должен — вгрызться зубами в завоеванную землю и не отдавать ее врагу — чего бы это ни стоило.

Связи у нас не было. Стали наш город обстреливать. Смотрим, пристреливаются как раз по нашей площади. Ну, сами понимаете, дело — табак. Как работает наша артиллерия — известно. Командир наш, майор Орехов, и спрашивает: «Кто возьмется пробиться к нашим?» Дай, думаю, попробую. На войне всякое бывает: иной раз пилотка

как решето делается, а ты жив и невредим, а иной раз и куском земли пристукнет так, что не встанешь.

Прихватил я с собой гранат штук пять и с двумя автоматчиками пошел. А ночь — ни зги не видно. Ползем прямо по речке. Поверх льда вода уже пошла. Немцы-то, думаем, народ квелый, насморка боятся, на реке в обороне лежать не будут. Ползем, пальцы на руках заостенели, тельняшки, брюки, валенки — все насквозь мокрое, хоть выжимай. Вот и судите сами, что было легче — умереть или жить? Да нет, думаю, умереть — полдела. К своим обратиться да товарищей выручить — вот что должен я сделать и для этого обязан все перетерпеть и остаться в живых.

Подползаем мы к мосту. И вдруг слышим: «Хенде хох». Этого еще не хватало. Попали, значит, прямо к немцам в лапы. Вскочил я на ноги, метнул две гранаты, слышу, немцы коваными сапогами по льду затопали — разбежались кто куда. Мы вперед... И прорвались!

Приходим к своим. Так, мол, и так — пока держимся. Ну, говорят, герои вы, богатыри, а мы, дескать, танки к городу подтягиваем, утром в атаку пойдем, не знаем только, свободна ли дорога.

Не по себе мне стало. Товарищи там, думаю, муки переносят, а я вот даже и дороги к ним показать не могу.

Хлопцы меня в хату зовут, переодеться предлагают «Простудишься, — говорят, — разве зимой холодные ванны принимают?» А мне не до шуток. Доложил я все, что знал о противнике, и пошел назад — дорогу решил разведать.

Тельняшка на мне замерзла, скрипит, того и гляди немцы услышат. Решил ползти. Проползу по дороге метров двадцать и поперек раза два пошарю, нет ли мин.

Подполз к немцам уже метров на пятьдесят, слышу, как они в траншеях по-своему лопочут. Присмотрелся и вижу — впереди меня вся дорога в черных точках. Снег за день стаял, и мины все оголились.

Всю ночь ползал я по дороге перед самым носом у противника, пока все мины не вытащил. Тогда вернулся к командиру и доложил, что дорога разминирована.

Через час танки двинулись в атаку. А немцы не беспокоятся — «впереди, дескать, минное поле». Только через это минное поле наши танки полным ходом прогазовали. Подхватились немцы и бежать. На первом танке я приехал к Орехову. Пожал он мне руку, хотел по плечу похлопать, а на мне тельняшка, как из камня сделана. «Ты, — говорит, — словно пушкинский «Каменный гость». Марш в санчасть и без записки от врача о том, что не простудился, назад не возвращайся».

Что же будешь делать — приказ есть приказ. Пошел за запиской. Принес и докладываю: «Товарищ гвардии майор, гвардии старшина Янченко здоров»!

— Живуч, — говорит, — ты, парень, на диво.

— Надо было жить, — отвечаю ему, — потому и выжил.

Так и с присягой. Жизнь отдать за Родину — это благородно, но отдать ее можно по-разному. Поэтому уж если требует от тебя этого обстановка, пусть дорого заплатит враг за твою жизнь!

В.Н. Максаков

Рождение героя

Посвящается Герою Советского Союза
Владимиру МАКСАКОВУ

*Одна лишь ветхая сторожка
В лесной заснеженной глуши
Да к ней прорытая дорожка
Смогли б поведать, как в тиши
Трещал мороз сухой и колкий,
Как выли волки за бугром,
Когда, щекой прильнув к двухстволке,
С утра покинув отчий дом,
Владимир долгими часами
Удачи миг в азарте ждал,
И каждый шорох за кустами
В нем трепет сердца пробуждал.*

*А там в селе, у края лога,
Ждала его с тревогой мать.*

*И, встретив сына у порога,
Не смела долго укорять,
Подчас лишь молвила: «Бесстыжий,
Как ни корми, все смотришь в лес!»
И, взяв у сына сумку, лыжи,
Сама несла их под навес.*

*В избе Владимира встречали
Сам дядя Федя и отец,
И, как всегда, спросив вначале:
«С чем возвратился наш ловец?»,
Сажали мальчика с собою
И рассуждали до утра —
Охота с луком и стрелой,
Псари Великого Петра,
И чья пушнина встарь ценилась,
И где зимой живет енот...
Ну, словом, тем там находилось —
Не исчерпать за целый год.*

*И так текли под отчим кровом
Володи юные лета,
Пока над мирным Алтуховом
Не пролетело штук до ста
Крестатых желтых самолетов.
И мать, тревогою полна,
Смахнув слезу полой капота,
Сказала с ужасом: «Война!»*

*Позамело все те дорожки
В орловских чащах и лесах.
Теперь Владимир не в сторожке
И не с двустволкою в руках —
В советском танке с пушкой грозной*

Через ширь украинских степей
Шел ночью ветрено-морозной
На смертный бой среди огней.

В безбрежном пестром небосводе
Косилась яркая луна.
И что припомнилось Володе,
Быть может, знала лишь она:
В пыли мелькающие тени
Фашистских танков за селом,
Огнем охваченные сени
И плач малютки за окном,
Под крик взведенные затворы
Иль посиневший женский труп,
Три дня качавшийся у школы,
Ужасный рот, лишенный губ.

Иль, может быть, отцово слово:
«Володя, знай, твоя семья
Лишилась хлеба, счастья, крова.
За это буду мстить и я,
И мать, и сестры—все, сыночек,
Мы здесь останемся в лесах
(Побольше б только темных ночек).
А ты на совесть, не за страх,
Им отомстишь вдвойне, я знаю,
Их зло искупит лишь свинец.
И бей ты эту волчью стаю,
Как бил когда-то твой отец!»

Вихрит за танком снег колючий,
Морозный ветер лижет бронь,
Ревет мотор стальной, могучий,
Несется в бой стоногий конь.

Он дышит ровно, полной грудью,
И не страшит его буран,
Ему знаком оскал орудий,
Знаком и яростный таран.

И мчится он простором снежным,
Штурмуя ветер на лету.
Глотая жадно воздух свежий,
Владимир смотрит в темноту.
Вдали чуть слышен звон вечерний,
А где-то там грохочет бой.
Но вот он видит у деревни
Машин и пушек плотный строй.
— Вперед, механик, цель правее! —
Вскричал Владимир. — Полный газ!
«Смотри, отец, смотри скорее,
Как сын исполнит твой наказ!»
Машина врезалась в колонну,
Как конь, поднятый на дыбы,
И затряслась земля от стонов,
От лязга стали и пальбы.
Во прах броней все обращая,
Могучий танк огнем дышал.
«Ты отомстишь вдвойне, я знаю!» —
Как клич Владимир повторял.

Луна по-прежнему косилась,
Машина мчалась по полям,
И небо черное искрилось
Огнями вспышек там и сям.
Но вот в степи блеснули змейки
Гигантским росчерком пера,
Как будто кто-нибудь из лейки
Пролил две струйки серебра.

— Вот та железная дорога, —
Сказал герой своим друзьям, —
Стоять мы будем здесь, у лога,
Пока придут на помощь нам.
Держаться насмерть до победы,
Давать отпор любым «гостям».
И пусть, как встарь сказали деды,
Пройдут по нашим лишь костям!
Хотел сказать еще он что-то,
Но голос грохот заглушил.
И видит он — у поворота,
Оскалясь пушками, застыл
Фашистский черный бронепоезд,
Усыпав искрами весь луг,
И в темноте, как будто роясь,
Повел он жерлами вокруг.

— Такого зверя не упустим! —
Сказал герой, прищурив глаз. —
Ты что-то стал, механик, грустен.
Давай в обход, не в первый раз! —
Владимир, дав из пушки выстрел,
Снарядом рельсы будто смыл,
А танк помчался вихрем быстрым,
Стремясь зайти «дракону» в тыл.
— Гони скорей, чтоб не удрали, —
Кричал Владимир. — Скройся в сад!
Но поздно. Немцы разгадали
И дали полный ход назад!

Машина вновь ушла в засаду,
Где час казаться стал за год.
— Вперед бы нам! — Изрек с досадой
Радист, со лба смахнувши пот.

— Больших зверей берут измором! —
Сказал Владимир. — Стоек будь!
И не зачтут тебе позором,
Что ты отречеши немцам путь.

И вновь гнетущее молчанье,
От темноты слезится глаз,
Лишь бронепоезда ворчанье
Тайком приблизится подчас.

И так, незримый, у развилки,
У рельс изорванных и шпал,
Владимир грозной невидимкой
На страх врагам три дня стоял.

Но только помощи дождался,
Тотчас же двинулся вперед,
И скоро вновь уже сражался
За Русь! За волю! За народ!

Приказ был дан трем нашим танкам —
Во имя Родины святой
Занять разъезд у полустанка,
Держать его любой ценой.

И вот три славных, верных сына,
Как древних три богатыря,
Как три могучих исполина,
Пошли вперед сквозь вихрь огня!

Одним из них там был Владимир,
Другим — отважный Соколов,
В чьем сердце страх давно уж вымер,
И третьим был танкист Петров.

*Навстречу к ним у деревушки
Спокойно выполз эшелон.
На нем машины, танки, пушки
И немцев полный батальон.*

*Огнем гвардейским, беспощадным
Герои встретили гостей...
И там поныне ворон жадный
Кружит над грудами костей.*

*Всю ночь три витязя там бились.
Злой враг редут их не прошел!
И три героя там родились,
А враг могилу там нашел!*

*Винница — Жмеринка,
конец 1943 г. — начало 1944 г.*

Сыны Украины в борьбе за Родину

— Эх, хлопцы, руки у меня чешутся, — гневно воскликнул Шулежко, пристально всматриваясь в черную даль тревожной предбитвенной ночи. Вот уже два года по Украине рыщет кровавый враг, и, может быть, сейчас в его родной живописно раскинувшейся деревушке Пищики свищет безжалостный ветер, шаря по свежим, еще дымящимся пепелищам.

— Сел бы сейчас на машину, один бы поехал, хоть душу отвел бы, — вырвалось из сердца Шулежко.

— Горячий ты парень, — заметил на это ему земляк Иван Рыбалко. — Ну да это ничего. Я вот тоже полагаю курс взять прямо на свою хату. Хорошая у меня хата, и мать-старуха давно уже, поди, поджидает.

— Кто где родился, тот там и пригодился, — пробасил майор Боридько в тесном кругу танкистов, расположившихся у своих машин. — Украина породила нас, и мы должны ее отвоевать. Так что ли, младший лейтенант?

— Так, товарищ майор, — ответил Виктор Цибрук, и в его светлых глазах искрилось нетерпение. Вот уже совсем небольшое расстояние отделяет его от родной Сумской области, откуда он выехал учиться в танковое училище еще в начале войны и дал слово вернуться с победой. С тех пор он словно видел перед собой изрубцованную спину отца, вытянувшееся от горя лицо матери, изрытые минами цветущие сады своего родного края. Сердце жаждало

мести, и сила этой жажды тянула его вперед, на Запад.

...Первые лучи солнца скользнули по волнистому морю ржи. Лязгая сталью гусениц, по полю поползли «тигры», их было более тридцати. Они стали обходить роту Рыбалко.

Но не удалось панцирникам перехитрить такого мастера маневра, как Иван Рыбалко. Не раз он побеждал врага хитростью и умением. Скрытой местностью вышел он со своей ротой во фланг немцам и, пропустив вражеские танки вперед, атаковал их сзади. Сорок пять минут длился упорный бой, и Рыбалко оказался победителем. Шесть вражеских танков, два орудия и одну бронемашину — вот что приплюсовал он в этот день к своему боевому счету мести за родную Украину.

Бесстрашным исполином стоял на своей грозной машине лейтенант Шулежко. Не смущали его свистящие осколки, пули и болванки. Безмерна месть его за родную землю. В упор била его пушка.

— Есть один, — кричит Шулежко, высунувшись из башни, и, показывая рукой на клубы взметнувшегося черного дыма, приказывает: — Заряжай, Рипенко, заряжай!

Снова выстрел, и огромные языки пламени лижут броню второго немецкого чудовища. Шедшие сзади «тигры» насторожились, но напрасны их усилия обнаружить тщательно замаскированный танк Шулежко. Выждав, пока развернется очередной фашистский «дракон», Шулежко открывает огонь, и третий немецкий танк, распус-

тив свои гусеницы, замертво застывает на месте. «Тигры» устремляются в обход. Но там их достойно встречает Цибрук. Теперь этот юноша с детским лицом стал беспощадным мстителем. Вот распластался от верной руки Виктора Цибрука первый фашистский панцирник. Немцы попятились назад.

В тот же день Цибрук получил приказ произвести разведку боем. Стремительным броском он достиг деревни и там уничтожил еще одного «тигра» и десять автомашин противника.

Много дней бушевало жаркое сражение, и все это время командир Боридько со своим подразделением без усталости громил озверевшие банды фашистов. Более тридцати танков, двадцать одно орудие, тридцать семь автомашин, три самолета и более тысячи уничтоженных вражеских солдат и офицеров — вот боевой счет его подразделения.

Так сыны Украины мстят врагу за свою родную землю!

Ф. П. Боридько

Учитель

Последний урок закончился, но школьная детвора не спешила к выходу. Шумной гурьбой столпилась она у дверей, над которыми висела дощечка с надписью «Учительская».

— Тише, идет! — оповестил ребят рослый быстроглазый мальчуган. Из учительской вышел молодой мужчина.

— Дорогой Федор Петрович, — бойко начал мальчуган, торжественно выступив вперед, — в день вашего отъезда в армию мы, ваши ученики, преподносим вам этот скромный подарок. Он протянул учителю небольшую продолговатую коробочку с пестрой этикеткой и тоном, каким обычно произносят малозначимые, не относящиеся к торжественной речи реплики, сказал:

— Это, Федор Петрович, самопишущая ручка. — Но тут же, спохватившись, вдохновенно продолжил:

— Этой ручкой мы просим вас писать нам о вашей боевой жизни, а мы будем писать вам о своей учебе. И потом, дорогой Федор Петрович, мы, мы, — дважды повторил мальчуган, как бы готовясь произвести самое важное, — вызываем вас на социалистическое соревнование.

Учитель добродушно рассмеялся. Детвора осмелела, и скоро Федор Петрович сидел уже в тесном кругу внимательно слушающих его детей и говорил:

— Соревноваться будем, ребята, непременно будем. Я ведь тоже учиться еду. Хочу стать танкистом.

Ученики слушали его с таким уважением, что Федору Петровичу стало вдруг невыносимо больно расставаться со своими питомцами, но что решено, то решено — он должен быть в армии.

Учитель в последний раз погладил ручкой белые, как лен, волосы мальчугана, превосходно уже было устроившегося у него на коленях, и, распрощавшись с детьми за руки, покинул порог сельской школы.

Время бежало вперед. Настал 1941 год. Над Родиной нависла угроза. Немецкие мины и снаряды рвали землю Подмосковья. На защиту столицы прибыли танкисты-дальневосточники.

Старший лейтенант Боридько не охотник много говорить. Его речь к бойцам была кратка, но убедительна:

— За нами Москва — сердце нашей Родины. Назад ни шагу — таков приказ народа.

Он окинул взглядом сосредоточенные лица танкистов. Полные решимости, воины внимательно слушали своего командира. Когда-то его с таким же вниманием слушали дети. Тогда он был учителем в школе, теперь он будет учителем-командиром в бою.

Озверелые немецкие полчища с испугленным осаждали рубежи героических защитников Москвы, в чьих рядах сражались и танкисты старшего лейтенанта Боридько. Это они плечом к плечу с героями других частей и соединений остановили врага и отбросили его на запад.

Оттремели те жестокие битвы. Далеко позади остались поля сражений 1942 года. Наступил незабываемый 1943 год — канун июльского побоища. Готовые к бою танки стояли в лесу. Дни проходили в напряженной учебе. И только лунными вечерами собирались танкисты в тесный кружок и делились между собой тем, что на фронте бывает самым сокровенным. Кто-то с восторгом рассказывал о солнечной Грузии, кто-то вспоминал таежную Сибирь, кто-то отводил душу рассказами о Волге. Один только Виктор Цибрук становился в эти минуты грустным, словно ему чего-то не доставало...

Вот и теперь речь зашла о письмах из тыла. И Боридько, глянув на Виктора, заметил в его глазах мгновенно скользнувший оттенок грусти. «Тут что-то неладное», — решил командир и, подсев к молодому офицеру, участливо спросил:

— О чем задумались, товарищ младший лейтенант?

— Так, ни о чем, — торопливо ответил смутившийся юноша.

— Сами родом откуда?

— Из Сумской области.

— А семья там осталась?

— Там.

— У немцев, значит?

Цибрук кивнул головой, и Боридько понял причину его безысходной грусти, но, не промолвив больше ни слова, удалился в свою машину. Через полчаса он вызвал Цибрука к себе. И когда тот сел в машину, по всем правилам устава доложив о прибытии, Боридько попросту усадил его подле себя и протянул ему маленькую фотокарточку.

— Дочка? — спросил Цибрук, рассматривая фотографию, на которой было запечатлено беззаботно смеющееся лицо курчавой девчушки.

— Дочка, — с еле уловимым вздохом сказал Боридько.

— Далеко?

— В Полтавской области.

— Значит... у немцев? — не сразу решившись произнести это страшное слово, спросил Цибрук. Боридько утвердительно кивнул.

Что произошло с ним, Виктор не знал, но ему захотелось во что бы то ни стало сказать командиру, что он очень хорошо его понимает и разделяет его горе. И Цибрук впервые произнес вслух все то, что камнем лежало у него на сердце, и сразу же после этого почувствовал облегчение, словно сделал первый шаг к своей самой заветной мечте — увидеть семью.

А когда первые лучи солнца прорезали предрассветные сумерки, Боридько протянул Виктору руку и сказал:

— Ничего, дружок, скоро мы вместе с тобой зайдем в твою хату, сядем за стол и разопьем за нашу победу свои солдатские 100 грамм.

— Далеко еще, товарищ капитан, — вздохнув, возразил Цибрук,

— А знаете, Виктор, — сказал на это Боридько, — когда Суворов спросил одного из своих солдат, каково расстояние от Земли до самой дальней звезды на небе, тот, не задумываясь, ответил: «Три суворовских перехода». Нам нужно всего лишь стать суворовскими солдатами, и тогда для нас ничто не будет далеким.

Вернувшись в землянку, Виктор долгое время силился припомнить весь разговор с командиром, но мысли упорно путались вокруг одной фразы: «Нам нужно всего лишь стать суворовскими солдатами, и для нас ничто не будет далеким».

Части Красной Армии неудержимо шли вперед. Далеко позади остались и родина Цибрука, до которой ему так и не довелось дойти, и близкие сердцу Боридько сады Полтавщины, где вместо серенькой, уютно примостившейся к холму школы бывший ее директор нашел только груды обгоревшего кирпича да огромный, усыпанный пеплом пустырь, а вместо своего дома — только исковерканную огнем детскую когда-то никелированную кровать. Все осталось позади. Части Красной Армии неустанно шли вперед — на Запад.

Грудь командира-учителя украшали ордена Александра Невского, Красного Знамени Монгольской Народной Республики и Красной Звезды.

Много героев воспитал он в своей боевой семье. Глубокое знание военного дела и умение обучать солдат особыми приемами, основанными на сугубо индивидуальном подходе, — все это сделало его самым любимым и уважаемым офицером в части.

Ранней весной 1944 года подразделение Боридько одним из первых подошло к берегу Днестра. От студеной, еще подернутой льдом воды веяло прохладой. Мосты были взорваны. Боридько собрал своих танкистов.

— Хлопцы, — с задушевной теплотой обратился он к ним, — враг разрушил переправы, но это его не спасет. Русский человек и под водой пройти сумеет. Недаром же в песне поется: «И в воде мы не утонем, и в огне мы не сгорим». Законопатим в наших танках все щели и форсируем реку вброд. Как думаете, проскочим?

— Проскочим! — дружно ответили танкисты.

И через полчаса воды Днестра забурлили, расступаясь перед погружающимися в них танками Боридько.

Так, не зная устали и не ведая преград, шли воспитанники Боридько на Запад. Ни пронизывающий мокрую одежду ветер, ни тяжесть маршей, совершаемых по трое суток без отдыха в условиях весенней распутицы, — ничто не приводило воинов в отчаяние. Перед ними был никогда не унывающий, волевой командир, чье слово бодрило их в тяжелые минуты

Грудь командира-учителя украшали ордена Александра Невского, Красного Знамени Монгольской Народной Республики и Красной Звезды.

Много героев воспитал он в своей боевой семье. Глубокое знание военного дела и умение обучать солдат особыми приемами, основанными на сугубо индивидуальном подходе, — все это сделало его самым любимым и уважаемым офицером в части.

Ранней весной 1944 года подразделение Боридько одним из первых подошло к берегу Днестра. От студеной, еще подернутой льдом воды веяло прохладой. Мосты были взорваны. Боридько собрал своих танкистов.

— Хлопцы, — с задушевной теплотой обратился он к ним, — враг разрушил переправы, но это его не спасет. Русский человек и под водой пройти сумеет. Недаром же в песне поется: «И в воде мы не утонем, и в огне мы не сгорим». Законопатим в наших танках все щели и форсируем реку вброд. Как думаете, проскочим?

— Проскочим! — дружно ответили танкисты.

И через полчаса воды Днестра забурили, расступаясь перед погружающимися в них танками Боридько.

Так, не зная устали и не ведая преград, шли воспитанники Боридько на Запад. Ни пронизывающий мокрую одежду ветер, ни тяжесть маршей, совершаемых по трое суток без отдыха в условиях весенней распутицы, — ничто не приводило воинов в отчаяние. Перед ними был никогда не унывающий, волевой командир, чье слово бодрило их в тяжелые минуты

М.С. Пинский

ковника И.И. Гусаковского и следовавшая за ней 27-я Гвардейская мотострелковая бригада наступали на г. Гнезно, 40-я — в направлении Ключев, Витково, 45-я — на Видну. 44-я Гвардейская танковая бригада встретила сильное сопротивление противника, которое все более возрастало по мере ее приближения к Гнезно. Особенно упорно гитлеровцы обороняли шоссе, ведущее к этому городу из Ловича. Сильные опорные пункты были ими созданы почти во всех населенных пунктах вдоль дороги. Одна за другой следовали контратаки пехоты с танками.

Но остановить наших воинов противнику не удалось. Так, при подходе к одной из деревень гитлеровцы безуспешно контратаковали танковый батальон майора Ф.П. Бо-

Митинг в батальоне гвардии майора М.С. Пинского, идущем в передовом отряде. На этом митинге гвардейцы принесли торжественную клятву Родине и с честью выполнили ее

ридько. В этом бою особо отличилась группа танков под командованием замполита батальона капитана В.И. Дорофеенкова. В частности, экипаж «тридцатьчетверки» парторга роты лейтенанта З.С. Муляра уничтожил танк «пантера», зенитно-пулеметную установку и двадцать семь солдат и офицеров противника. Другой наш танк, управляемый коммунистом механиком-водителем старшиной Б.А. Быковым, уничтожил вражескую пушку, бронемашину и три грузовика.

Еще более ожесточенный бой был у следующей деревни. Подступы к ней оказались сильно укрепленными. Разведчики, высланные командиром М.С. Пинским, вскоре доложили, что в деревне до двухсот фашистских солдат и офицеров, а на ее восточной и

Танки передового отряда вошли в прорыв

южной окраинах установлено по четыре противотанковые пушки. Слабее была вражеская оборона с запада. Майор Пинский повел главные силы батальона в обход деревни. На ее восточных подступах оставил лишь танковый взвод лейтенанта Пелевина. Его задача состояла в том, чтобы выждать момент, когда гитлеровцы, обнаружив обход, повернут свои пушки на запад. Тогда лейтенант Пелевин должен был атаковать их и уничтожить.

Маневр полностью удался. Удар с двух сторон был неожиданным для врага. Придя в себя, гитлеровцы попытались организовать оборону, но их сопротивление было сломлено.

Путь на Гнезно был открыт. Полковник И.И. Гусаковский не сомневался в том, что

И.И. Гусаковский

гитлеровцы будут яростно оборонять этот город, являвшийся важным узлом коммуникаций врага в западных районах Польши. Но, к удивлению командира бригады, наши танки при подходе к Гнезно не встретили противника. Царившая в городе тишина была явно подозрительной. Не готовит ли враг ловушку, надеясь уничтожить наши танки после того, как они втянутся в узкие улицы? Это предположение подтвердилось. В городе притаились значительные силы фашистов и специальные отряды, вооруженные фаустпатронами. Стало ясно, что первыми в бой за город должны вступить автоматчики. Наши воины, благодаря местным жителям, мелкими группами быстро проникли в город и нашли те здания, в кото-

рых затаились фаустники и пулеметчики. Схватка была короткой, но яростной.

В то время, когда автоматчики уничтожали фаустников, в город ворвались танкисты. Наступая с двух сторон, батальоны А.А. Карабанова и Ф.П. Боридько довершили полный разгром вражеского гарнизона. Большую часть его они уничтожили, а остатки поспешно отошли на запад.

Бригада перешла в преследование отступающих гитлеровцев. Однако ее части были сразу же контратакованы подоспевшими крупными силами врага. Поэтому полковник Гусаковский отдал приказ закрепиться в Гнезно и подготовиться к отражению вражеских попыток отбить город. Такие попытки были предприняты в тот же день, но успеха не имели.

Между тем, разведчики 2-го танкового батальона, ведя поиск, обнаружили к северу от Гнезно фашистский аэродром с самолетами. Майор Пинский доложил об этом командиру бригады и, получив приказ захватить аэродром, скрытно повел к нему свои танки с мотопехотой. В коротком бою были уничтожены охрана аэродрома и зенитная батарея. Взорвав фашистские самолеты, батальон захватил большой склад горючего, которого хватило для дозаправки танков и автомашин не только бригады, но и всего корпуса.

За смелость и отвагу при освобождении Гнезно и захвате аэродрома многие воины бригады были награждены орденами и медалями. Командиры танковых батальонов Ф.П. Боридько и М.С. Пинский были удостоены звания Героя Советского Союза.

Сестра

Посвящается медицинской сестре Надежде Петровой. Однажды в трудную минуту боя она первой выскочила из окопа и увлекла за собой подразделение в атаку. После войны Надя Петрова вышла замуж, стала Жуковой. Живет в Одессе.

*Где-то бой вдали грохочет,
Смерть беснуется, хохочет.
А в палатке белоснежной,
Над бойцом склонившись нежно,
Тихо девушка стоит.
Сердце воина горит,
Шепчет он: — Нет сил, жара,
Подойди ко мне, сестра.
— Я, голубчик, возле вас, —
Молвит девушка тотчас, —
Не волнуйтесь, знайте, верьте,
Не отдам вас в лапы смерти.
И бойцу не тяжки муки,
Потому что чьи-то руки
Пот со лба обтерли ватой.
К голове, огнем объятый,
Приложили влажный бинт,
Стало легче — воин спит.
Но не дремлет до утра
Медицинская сестра.*

Всегда впереди

— В пятый раз пошла рота в атаку на дот, — рассказывал гвардии младший лейтенант Деркач, присев на предложенный ему бойцами стул. — Дот этот был одним из ключевых в «Линии Маннергейма». Каждый метр на подступах к нему простреливался пулеметным огнем с трех сторон. Стоял сорокаградусный мороз, но воины сбрасывали с себя телогрейки — тяжело было ползти по глубокому рыхлому снегу.

И вот, когда уже оставалось не более пятидесяти метров до дота, кто-то крикнул: «Убит командир!» Рота залегла. Что делать дальше? Кто будет командовать?

Тут-то, презрев смерть, под шквальным пулеметным огнем и встал в полный рост солдат, которого знали в части как лучшего разведчика.

— Слушай мою команду! — крикнул он товарищам. — Гранаты к бою! Справа, слева, по одному, короткими вперед!

Снежное поле ожило. Один за другим стали вскакивать бойцы и пристраиваться к бесстрашно бегущему вперед солдату.

Это был Федор Акимович Липаткин. За подвиг, благодаря которому был взят сильно укрепленный дот белофиннов и пробита брешь в обороне противника, он был удостоен звания Героя Советского Союза и направлен в офицерскую школу. А через год грянула Великая Отечественная война. Получив офицерское звание, Липаткин вновь отправился на фронт и в дни берлинской эпопеи совершил свой второй героический

подвиг, о котором на следующий же день было написано в газете «Комсомольская правда».

Младший лейтенант вынул из планшетки аккуратно сложенную пожелтевшую от времени вырезку и прочитал: «Танки свернули на улицу. Гвардии капитан Федор Акимович Липаткин выпрыгнул из своей тяжелой машины. Он быстро на ходу сбросил кожанку. На груди его сверкнули ордена и Золотая Звезда Героя Советского Союза... В руке он нес красное полотнище. Автоматчики из десанта несли дровко».

— Вот с того балкона хороший вид на Шпрее, — сказал командир и пошел по лестнице наверх.

— Так был поднят первый советский флаг над Берлином, — пояснил младший лейтенант и показал бойцам вырезанный из той же «Комсомольской правды» большой фотоснимок, на котором был запечатлен этот исторический момент водружения советского флага над одним из крайних домов Берлина.

— Как видите, ваш командир в бою был всегда впереди, — заключил Деркач. — Его примеру должны следовать и мы с вами. Всюду и везде быть только первыми — вот что должно стать нашим постоянным девизом!

Беседа эта состоялась более года тому назад, когда в роту прибыли молодые бойцы, не участвовавшие в боях и незнакомые еще с традициями гвардейского подразделения. О том, как завоевывалась боевая слава роты, более подробно рассказал в тот же день мо-

лодым бойцам ветеран части помпотех Муковоз.

— Машина старшего лейтенанта Грустнева первой ворвалась в укрепленное гитлеровцами село, — припоминал, сидя в тесном кругу воинов, очевидец жарких сражений. — Вражеским снарядом был поврежден мотор танка. Подбросив свежие силы, немцы задержали остальные танки, двигавшиеся вслед за Грустневым. Вырвавшийся вперед экипаж оказался в окружении. Со всех сторон гитлеровцы стали подбираться к советской машине. Но не думали сдаваться отважные танкисты. Грустнев вынул из танка пулемет и двое суток отбивался от наседавших на него со всех сторон фашистов. Он и умер, не отняв заокостеневших пальцев от гашетки пулемета. Отважному офицеру посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Один за другим вставляли в захватывающем рассказе ветерана части героические подвиги танкистов, беспредельно любивших Отчизну и проливших за нее свою горячую кровь. Чувство большой гордости за своих старших товарищей разгорелось в сердцах молодых патриотов, и каждый из них в тот же день дал торжественное обещание Родине быть достойным громкой славы своих предшественников и славы своего командира.

Сапер Алексей Кальченко

В эту ночь немцы были особенно назойливы. Сапер гвардии рядовой Кальченко взял автомат и зорким взглядом окинул складки впереди лежащей местности.

Над его головой пролетела болванка. Понесся рокот фашистского «тигра». Он выполз откуда-то снизу и, спрятавшись в ближайшей ложбинке, открыл методичный огонь.

Поразить его из танков было очень трудно, так как видна была лишь одна башня.

— Кто возьмется уничтожить «тигра»? — обратился к бойцам командир.

— Я! — громко крикнул Кальченко. Быстро вскочив, он мигом предстал перед своим командиром.

— Что тебе нужно?

— Три противотанковые гранаты! — решительно ответил Кальченко.

— Возьми, да смотри, постарайся вернуться живым! — по-отечески сказал командир и пожал ему руку.

Болванки свистели все чаще и чаще. Немцы бросились в атаку. Пули взвивали снежные вихри. Фигура Кальченко долго мелькала, скрываясь и вновь появляясь среди рвущихся мин и снарядов.

Заметив бегущего среди огня сапера, немцы сосредоточили по нему весь свой огонь. Но ничто не сломило богатырской воли русского воина. Казалось, что смерть отступила перед ним. Ползком он добрался до вражеского танка. Раздался короткий, резкий взрыв, и «тигр» умолк навеки.

Вернувшись, Кальченко коротко доложил:

— «Тигр» уничтожен!

Но это было лишь только началом его беспримерных подвигов. С того дня он превратился в страстного охотника за немцами. Каждую ночь он, отпросившись у командира, уходил в город, и слух о смертоносных выстрелах неуловимого русского солдата не раз бросал в дрожь патрулирующих по городу немцев.

В одну из своих ночных «экскурсий» Кальченко заметил в ярко освещенном окне большого дома мелькающие тени немецких солдат и офицеров. Подобравшись ближе, он насчитал в этой квартире более двадцати гитлеровцев. Вынув из сумки гранату, Кальченко привязал к ней двухсотграммовую толовую шашку и, выбрав удобный момент, бросил ее.

Бесстрашным бойцом по праву гордятся бойцы не только его подразделения, но и вся часть.

ВЫСТОЯТЬ — ЗНАЧИТ ПОБЕДИТЬ!

Плакат А. Вязникова

Это было 7 июля 1943 года в боях за Советскую Украину. Пулеметный взвод комсомольца гвардии старшего сержанта Ивана Трофимовича Зинченко оборонял свой участок. 56 немецких танков пошли в атаку на наши передовые позиции. Как свечки, горели тогда фашистские машины. Две из них поджег отважный Зинченко. В трудную минуту боя, когда силы храбрецов иссякали, а нужно было во что бы то ни стало не пропустить врага, Зинченко с гранатами в руках и за поясом бросился под немецкий танк и взорвал его. Это решило исход боя: остальные вражеские танки повернули обратно.

Зинченко погиб смертью героя ради Победы. Вечная слава ему, верному сыну Родины!

Два Мишки

Посвящается славным минометчикам
Михаилу РОГОВУ и **Михаилу БОЙКО**

Туманы бродят хмуро
Над волнами Амура,
И ветры ледяные над палубой шумят.
Два друга — оба Мишки —
Веселые парнишки
На вахте неустанно в бушлатиках стоят.
Знакомо им и море,
Не страшно им и горе, —
Когда они на пару, ничто их не берет!
А коль порой, быть может,
Тоска кого заглохнет,
Другой лишь усмехнется и другу пропоет:
— Ты канонир, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ведь ты моряк, Мишка, — моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда!
И так они служили,
Но изредка тужили,
Что нет их там, где бились за счастье, за народ.
Пойдем-ка мы в солдаты,
Условились ребята,
С морфлотцами простились и прибыли на фронт.
Свистят и рвутся мины
В степи необозримой,
Грохочет беспощадный, неистовый буран.
Извели ребята
Всю долюшку солдата:
И привкус едкой гари, и боль горячих ран.
Но где бы ни бывали —
Нигде не унывали
Два друга неразлучных — два Мишки моряка.

И если где случалось,
Им смерть в бою встречалась,
Один споет другому, прищурившись слегка:
— Ты был моряк, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ведь ты солдат, Мишка, — солдат не плачет
И не теряет бодрость духа никогда!
Но вот в разгаре схватки
Заметили ребятки,
Что раненный осколком пал навзничь командир.
Один берет винтовку
К плечу на изготовку,
Чтоб немец командира, подкравшись, не добил.
Другой пополз к герою
И вынес с поля боя.
Осталось до траншеи один лишь шаг шагнуть,
Решил он приподняться
И стал в окоп спускаться,
Да злая вражья пуля
Вонзилась Мишке в грудь.
И хоть моряк был Мишка, а это значит,
Что не страшны ему ни горе, ни беда,
Прощаясь с другом, Мишка плачет,
Как он не плакал в жизни никогда!
И вот на поле боя
Теперь уж их не двое.
Один остался Мишка, но бьется за двоих,
Он мстит врагу за друга,
В нем ярость дышет вьюгой,
Бесстрашен Мишка в битвах, вдвойне он смел и лих.
Фашисты наседали
И Мишку окружали,
Осталось им до Мишки две сотни лишь шагов.
Фашистов больше роты,
Но Мишка с минометом
Один отбил атаку, сдержал герой врагов.

*Он видел бурю в море,
Он знает скорбь и горе,
В руках теперь у Мишки отличный миномет.
И коль, порой, случится,
Что тяжко станет биться,
Припомнит Мишка друга и сам себе поет:
— Ты был моряк, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ты мстишь за друга — пусть враг заплачет,
Но ты не дрогнешь, не отступишь никогда!*

Бесстрашный Янко

В эту ночь обер-лейтенант Вейдман был особенно нетерпелив. Перед самым его носом еще с вечера на столе стояли две бутылки отличного коньяка, «организованного» им у какого-то румынского офицера. Коньяк было тем более драгоценным, что ради него обер-лейтенанту пришлось выбросить присланные ему в подарок от жены перчатки ввиду того, что в момент «организации» коньяка они оказались запачканными румынской кровью, чем несомненно вызвали брезгливое отношение своего «чистокровного арийского» обладателя.

Нетерпение у Вейдмана вызывал также зажаренный поросенок и гуска, «организованные» в этом селе. Но ко всему этому нельзя было прикасаться ранее 12 часов ночи. И только с наступлением нового года можно было вволю предаться чревоугодию.

Вейдман давно уже приготовил себя к этой трапезе и еле сдерживал потоки слю-

В.М. Гинтовт

ны, заполнявшей его беззубый рот. Вот он уже потянулся за первым бокалом, как вдруг все усиливающееся дребезжание стекол заглушил отчетливый гул мчавшегося по деревне танка.

«Русские!» — вырвалось из дрожащих уст Вейдмана. «Но как мог пройти русский танк, если на подступах к селу сделан ров, преодолеть который просто немыслимо? Не родился еще такой фокусник!» — пытался было успокоить себя обер-лейтенант, но выстрел из пушки оборвал его мысли. Теперь уже было ясно, что такой «фокусник» нашелся.

Витольд Гинтовт родился в простой крестьянской семье. Юные годы провел на по-

лях Белоруссии. Был одним из лучших трактористов, гордостью всего района. Придя в армию, он стал первоклассным механиком-водителем, которого друзья за мужество и отвагу прозвали бесстрашным Янко.

Будучи мастером вождения, он одержал десятки блестящих побед, исключительных по мастерству и хитрости маневров на поле боя. Вот, что было за плечами этого черночубого юноши с добродушной улыбкой на смуглом скуластом лице.

«Мы им еще покажем!»! — задорно подбадривал своих друзей Янко перед каждым новым сражением, и действительно показывал образцы отваги и мужества.

Однажды наши пехотинцы наткнулись на сильную оборону немцев и вынуждены были залечь, так как подступы к переднему краю простреливались противником с трех сторон из всех видов оружия. Бесстрашный Янко прорвался на танке к траншеям немцев, проутюжил их и, раздавив гусеницами более полусотни гитлеровцев, обеспечил успех нашим пехотинцам.

Вот и теперь именно бесстрашный Янко сумел преодолеть без выстрела четырехметровый эскарп, вихрем ворваться в село и посеять панику среди собравшихся уже было пировать немцев.

Всю ночь по деревне металась обалдевшие гансы и фрицы, но их повсюду, как топот Медного всадника, преследовал грозный гул машины Янко. Под ее гусеницами встретил Новый год и слюнявый обер-лейтенант Вейдман, а вместе с ним еще не один десяток гитлеровцев. Оставшиеся в живых

разбежались, забыв захватить с собой даже ремни, которые они сняли с себя, готовясь к сытному ужину. Вместе с ремнями они «забыли» более семидесяти автомашин, около двадцати повозок с военным имуществом, два продовольственных склада и два склада с запасными частями для автомашин. Но все это кажется мизерно малым в сравнении с теми цифрами, которые составляют общий боевой счет героя. О многом могли бы рассказать эти цифры: о знойных июльских сражениях 1943 года, где отважный Гинтовт неоднократно своей хитростью и умением маневрировать побеждал противника, в десятки раз превосходящего его по силам; о пыльных дорогах августовского рейда по тылам неприятеля, где грозный танк Гинтовта наградил могилами не одну сотню застигнутых врасплох немцев; о трескучих морозах и выюгах зимнего наступления, где бесстрашный Янко прокладывал путь на Запад! Имя героя стало гордостью всей необъятной страны. Его комсомольский экипаж получил звание лучшего, которое с честью пронесли танкисты по полям суровых сражений как символ беспримерного героизма.

Грудь бесстрашного Янко украсили ордена Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, Славы 3-й степени и медаль «За отвагу». За проявленный героизм Родина удостоила его высшей награды — Витольду Гинтовту было присвоено звание Героя Советского Союза.

Честь и слава богатырю!

МЕСТЬ

Посвящается кавалеру ордена Славы гвардии
старшине Николаю АЛТУХОВУ

Тусклый свет коптилки льется,
Нары в мутной полутьме,
В тесной печке пламя бьется.
Кто-то просит пить во сне,
Кто-то вспомнил горы, море,
Кто-то немцу смерть сулит.
Лишь один, объятый горем,
Над столом, склонясь, сидит.
Молча держит, не читая,
Он в руках своих листок.
Тяжела ты, весть лихая
Материнских горьких строк.
— Что не спишь, знать, занедюжил? —
Друг участливо спросил. —
Иль письмо плохое дюже
Из деревни получил?
Скрытный ты, браток, уж очень,
Рассказал бы все друзьям.
— Мне рассказывать нет мочи,
На, прочти, — поймешь и сам.

Взял товарищ лист измятый,
Стал читать:
«Сынок родной!
Расскажи друзьям-солдатам
О своей беде большой.
Расскажи, что псы немые
Ворвались к тебе домой,
И у всех глазищи злые,
Автоматы за спиной.
А жена твоя, Варюша,

Дочь держала на руках.
Тут же Толик был, Ванюша...
Охватил их лютый страх.
Вдруг один горбатый, рыжий
Подошел к твоей жене
И сказал при всех, бесстыжий:
«О, зер гут! Соидет вполне!
Только выбросить гаденыш...»
Варя стала умолять:
«Ты не смеешь, ты не тронешь!»
Рыжий рявкнул: «Отобрать!»
Подскочили два солдата,
И, схвативши дочь твою,
Потащили вон из хаты...
Я, как мертвая, стою,
А жена, рванув сорочку,
Преградила немцам путь.
«Не пуцу, отдайте дочку!»
Рыжий выстрелил ей в грудь.
«Ви просила свой зверенка —
На ж, возьми его с собой!»
И подняв при нас ребенка,
Бросил об пол головой!»
— Да! — сказал товарищ тихо.—
Только ты крепишь, дружок,
Нынче нам с тобою лихо,
Завтра им настанет срок!

Срок настал. Уж бой грохочет.
В шквальной ярости свинца
Смерть беснуется, хохочет,
Жажда мести жжжет сердца.
В бой идут бойцы рядами,
Все вперед — за шагом шаг.
Но в лощине, за кустами
Притаился подлый враг.

-
- Кто возьмется уничтожить? —
Командир спросил бойцов.
— Есть желающий, быть может?
— Есть! — ответил Алтухов.

Пулемет врага неистов,
Но герой сквозь ад прополз.
Видит он в кустах фашиста —
Сердце яростью взялось:
Может, он, такой же рыжий,
Кровь детей и жен на нем,
Так же, может быть, бесстыже
Он врывался в чей-то дом,
Так же, кровь с руки стирая,
Ухмылялся волком злым.
Помоги ж мне, месть святая,
До него дойти живым!
Сила ярости горючей
Проложила мести путь,
И свинец, смертельно жгучий,
Прострочил фашисту грудь.
Мститель встал над полем брани
И вскричал: «Друзья, за мной!»
И пошли бойцы рядами
На священный грозный бой.
Для врага был час тот жутким.
Беспощаден гнев отца!
Бьет в упор за кровь малютки
Он восьмого подлеца,
Битва злится, как пучина,
Трепещи, кровавый враг,
Мсть идет к тебе лавиной,
Смерть твоя у нас в руках.

Два ноября

(По полям минувших сражений)

Приход почтальона, как и всегда, был встречен восторженно и шумно:

— Ну, Антоша, кому сегодня в своей сумке счастье принес?

— Говори сразу, мне пять или десять? — наперебой спрашивали бойцы вошедшего в казарму экспедитора — смуглолицего сержанта с большой, оттопырившейся на боку кожаной сумкой.

— Сегодня только одному Прокофьеву, — внушительно ответил экспедитор. Понимались вздохи.

— Ну, читай, — произнес подошедший к Прокофьеву ефрейтор с белыми, как лен, коротко подстриженными волосами. — Солдатский закон знаешь? Все письма — вслух!

— Да-да, вы уж, товарищ сержант, пожалуйста, не нарушайте воинских порядков, — поддержал ефрейтора еще кто-то из бойцов, и Прокофьев вынужден был сдать.

— Ну что же с вами делать, садитесь, слушайте... Письмо от друга. Вместе от самой Москвы до Берлина прошли.

— Ну читай, читай. Интересно, что пишет, — вновь поторопил беловолосый ефрейтор, и Прокофьев, легонько прокашлявшись, начал:

«Здравствуй, боевой друг Саша!

Вот я уже и дома. Надел гражданский костюм, но чувствую себя в нем как-то неудоб-

но. Привыкли ремнем затягиваться — все кажется, что мешок на тебе висит. Привычка — вторая натура.

Вчера весь день бродил, как принято говорить, по полям минувших сражений.

Вспомнил ноябрь 1941 года, село Малеево, лес, наполовину выстриженный осколками, воронки от бомб и снарядов. Жаркими были те боевые денечки. Сейчас уже, конечно, и следов от всего того почти не осталось.

С трудом нашел ту просеку, которую прорубали, чтобы выйти к немцам с фланга. Как сейчас помню, весь день металась мы на своих БТ по опушке леса, пытаясь прорваться вперед по проселочным дорогам, но огонь противника был таким, что проскочить через него не представлялось возможным.

И вот приехал наш полковник: «Как так, говорит, орлы-дальневосточники — и не можете прорваться? Просеку прорубите, коль дорогами пройти невозможно».

А что значило прорубить просеку под таким огнем, когда кусты пулями, словно косой траву, косило? Но лихой был у нас командир. Сам взял топор и направился к лесу. Ну, сам понимаешь, тут уж ребятам и смерть не страшна стала.

За какие-нибудь 2—3 часа прорубили мы двухкилометровую просеку и как обрушились на немцев с фланга, так и погнали их назад. Это была наша первая победа.

Долго бродил я по этой просеке. Всех товарищей вспомнил. Много их погибло в этом лесу: Федоров Степа, Фомичев Андрияша, Артамонов Петя... Прекрасные были ребята.

Достал я в деревушке кусок фанеры, написал на ней: «Здесь, защищая столицу, смертью храбрых пали прекрасные сыны нашей Родины...» Перечислил всех, кого вспомнил, и фанеру прибил к дереву у самой просеки.

Да, Саша, тяжелым был ноябрь 1941 года. И каким счастливым будет для людей вот этот ноябрь!

Недавно я прошелся по московским предприятиям. Жизнь, Саша, бьет ключом. Ты помнишь Москву, затемненную, оцетинившуюся против врага баррикадами и эскарпами, и суровую, словно одетую в солдатскую шинель. А теперь, в этот ноябрь, она будет сверкать миллионами электрических лампочек, сотнями прожекторов, фонтанами фейерверков.

Москва, ноябрь 1945 года. Жизнь торжествует, Саша. Мы с тобой завоевали право на эту жизнь, и мы будем жить. Демобилизуешься — приезжай ко мне. Теперь нас ждут танки.

Твой друг Федор Нечаев».

В родном селе

В ленинскую комнату гвардии старшина Пономарев вошел как раз в тот момент, когда бойцы, собравшиеся у стенда «Боевой путь части», разговорились об Октябрьском празднике и при этом вспомнили ноябрь 1941 года.

— Да, невеселым был тогда для меня Октябрь, — сказал Пономарев, присев на массивные поручни большого кожаного кресла.

— Вышли мы, помню, на исходные позиции. Впереди лес, а за лесом мое родное село — Борисовка. Сажу в окопе на патронном ящике и думаю: жива ли еще моя мать? И вдруг слышу, командир роты спрашивает: «Желающие идти в разведку есть?» — «Есть», — гаркнул я во все горло и уже не помню, как очутился перед командиром.

С наступлением сумерек пошли мы втроем. Со мною еще два паренька были — омские. Хорошие ребята. Убили их «кукушки». В те времена немцы залезали на деревья и целыми сутками просиживали там, подкарауливая наших разведчиков. В меня тоже стреляли, но не попали...

Прошел я через лес, подобрался к деревне. Вижу — немцы чуть ли не на каждом метре с автоматами сидят. Нет, думаю, без хитрости не проскочить мне в деревню.

А справа, у самого леса, мельница стояла. Дед мой работал на ней — Степан. Пошел я к деду. Он, конечно, как увидел меня, так и слова вымолвить не смог от неожиданности. Ну, а мне не до разговоров было. Схватил я у него первый попавшийся под руки тулуп, шапку. «Айда, — говорю, — дед, в деревню. Патрулям скажешь, слепой, мол, а парень — поводырем при мне».

Пошли мы. Но немцы, конечно, забрали нас. Скинули с меня шапку, а я коротко подстриженный. Ясное дело — солдат. Деда-то отпустили, а меня в комендатуру поволокли.

Только я, как чувствовал, что с «поводырем» номер не пройдет, и прикинулся глухонемым и придурковатым.

Привели меня в комендатуру. Комендант такой обходительный. Выслушал он патрулей и приказал кого-то вызвать. Минут через пять вбегает в хату наш районный врач, Павловной ее звали у нас на селе. Как, значит, немцы-то пришли, так она к ним переводчицей пристроилась.

Узнала она меня и, слышу, рассказывает по-немецки, что я родом из этого села, слухом и речью не обижен, и что через два дома живет моя мать.

У немца от злости аж нос вытянулся. Подошел он ко мне, да как заорет что-то по-своему. Павловна-то, змея, тут как тут и переводит мне — открой, мол, рот, а я стою, как будто не понимаю. Тогда офицер давай мне жестами растолковывать. Ну, делать нечего, пришлось понять. Раскрыл я рот и вдруг от боли чуть не взвыл. Немец мне в язык ручку с пером всадил — испытывал не вскрикну ли, но я стерпел, не застонал даже.

Вызвал комендант двух солдат и отдал им какое-то приказание. Они вместе с Павловной вышли. Через четверть часа распахивается дверь, и в комнату вталкивают мою мать. Вот, думаю, встретились. Верите ли, до этого на все готов был — отрубай мне

руки, ноги, не пророню ни одного слова, а тут аж в глазах потемнело. Смотрю на мать, а она на меня, и остолбенели оба.

А Павловна так ехидно спрашивает ее:

— Это ваш сын?

Мать посмотрела на нее, на меня и спокойно отвечает:

— Нет, не похож, матушка!

— Врешь! — истерично завопила та.

— Зачем же я врать-то буду, — еще спокойнее отвечает ей мать, — я ведь совести-то своей никому не продавала.

— Что ты хочешь этим сказать? Что я продала, что ли? — захлебываясь от злости, закричала Павловна.

— А об этом ты сама своему сыну расскажешь. Вот подрастет он у тебя еще немного, ты и расскажешь! — отрезала ей мать, и та еле удержалась, чтобы не упасть в обморок. Схватила за голову, пробормотала что-то по-немецки, вроде того, что она, мол, обозналась, и, как ошпаренная, выскочила из хаты.

Мать мою тоже вытолкали за дверь, а со мной разные «фокусы» проделывать стали. И прикладом меня били, и кинжалом тыкали. Все надеялись, что не вытерплю я — вскрикну, но потом, видимо, решили, что я и в самом деле глухонемой и дурковатый. Отпустить же, однако, не отпустили. Раздели меня чуть ли не догола и заперли в сарай (вернее не заперли, а просто задвижку закрыли и патрулю наказали присматривать).

Ночь холодная была. Немец по двору ходит, каблуками постукивает, и больше —

ни звука. Тишина мертвая. Что тут будешь делать. Скрипни дверь — услышит. Не вырваться, думаю, мне из этой западни.

И вот уже совсем замерзать стал, ни руки, ни ноги не слушаются. Вдруг слышу, в сарае через дорогу куры всполошились. Вот, думаю, чудо, откуда же куры могли взяться? Дед мне дорогой сказал, что кошки живой в селе не осталось — всех гитлеровцы передушили, а тут — куры. Немец-то, чувствую, тоже насторожился. Послушал, послушал, потом припер мою дверь еще какой-то палкой и сам рысцой к тому сараю.

Я попытался было встать, да тело, словно чужое. Кое-как на корточках приподнялся и слышу, кто-то подбежал к сараю, отбросил палку, раскрыл двери и шепчет: «Василий, айда за нами!»

И что бы вы думали, кто это сделал? Ребята из нашего села, а сынишка той самой Павловны за командира у них был. Историю с курами он и придумал.

От этих ребят я потом точно узнал, где и что у немцев расположено, с ними передал матери записку и в ту же ночь вернулся в часть.

Вот как довелось мне праздновать Октябрь 1941 года. Зато уж через десять дней, когда мы ворвались в это село, я отпраздновал два праздника разом — и Октябрьский и первую нашу победу.

11 ноября 1945 г.

Так он сражался за Родину

Вряд ли можно было подумать, что в этом белокурое юноше с открытым, по-детски смеющимся лицом, кроются отвага и воля чудо-богатыря. Кто из его близких друзей от души не смеялся над тем ребячьим восторгом, с которым Геннадий читал — обязательно вслух — письма из далекой таежной Сибири от своей матери. «Милый Геша, — писала старушка, — у нас все хорошо. Огородик мой удался на славу. Скорей добивайте фашистов. Жду я тебя, мой милый сыночек, как солнышка».

В эти минуты он становился буквально ребенком. Не менее восторженно читал он письма от своей любимой Танюши. Она писала, что все девушки его родного края не покладая рук работают на полях и заводах для того, чтобы обеспечить фронт всем необходимым для победы, что она сама с утра до ночи вяжет снопы...

В чемодане Геши бережно хранились все ее письма, которые он получал еще будучи курсантом военного училища, а в левом кармане гимнастерки в специальной картонной обложке как зеницу ока берег Геннадий ее фотографию. Свидетелем многих подвигов был этот портрет.

Еще под Москвой, когда Геннадий был командиром танка БТ и героически отстаивал родную столицу, преграждая путь лавинам бронированных фашистских чудовищ, его грудь украсил орден Красной Звезды. Далее судьба его сложилась так, что он попал в пехотную часть.

Целыми днями ползал он по передовой с автоматом в руках, не упуская ни одной возможности сходить в атаку или в разведку.

Вскоре Воеводин был назначен заместителем командира разведроты по политчасти. Бессчетное количество раз ходил в разведку, выполняя самые сложные боевые задания. Из одной «экскурсии» в тыл неприятеля этот белокурый худенький юноша собственноручно приволок двух чистокровных арийцев, за что был вторично представлен к награде и скоро получил еще один орден Красной Звезды.

Весной этого года он снова попал в танковое подразделение. Благодаря своему упорству Воеводин быстро изучил танк Т-34 и был назначен командиром взвода.

Враг бросил в атаку свои лучшие отборные части. Воеводин находился в засаде. В панораме танка ему хорошо был виден бугор, волнистое море ржи, голубое лазурное небо. Вот появились три «тигра».

— Вперед! — командует Воеводин.

Танк идет на сближение. Несколько метких выстрелов, и густые клубы черного дыма окутали две вражеские машины, а третья повернула вспять. Атака отбита, но враг открыл ураганный огонь из артиллерии.

— Справа пушка, — докладывает Воеводину радист.

— Заряжай осколочно-фугасным! — командует Воеводин своему башнеру. Выстрел — и пушка взлетает на воздух.

Но вот на бугре появилось уже более пятидесяти «тигров». В самый разгар боя был

ранен командир роты. Воеводин берет на себя командование ротой и, хитро маневрируя на поле боя, отбивает три атаки чуть ли не в десять раз превосходящего по силе противника.

Бой разгорается все сильнее и сильнее. Через горы трупов своих головорезов и кладбище обгоревших танков немцы лезут на наши позиции. Воеводин, как всегда, на самом ответственном участке. «Тигры» пытаются обойти его ложиной. Воеводин, внезапно атакуя их сбоку, подбивает три бронированных чудовища. Шедшие позади «тигры» успели направить жерла своих пушек на танк Воеводина.

— Что будем делать? — спрашивает Воеводина башенный — младший сержант Тялуев.

— Биться до последнего! — отвечает командир.

Несколько «тигров», рыча, ползут на добычу, они, видимо, хотят взять советских танкистов живьем.

— За Родину, Леша! — с каким-то азартом крикнул вдруг Воеводин. — Заряжай!

Искры сыпались то от одного, то от другого «тигра». Долго кипела горячая схватка. Но вот что-то сильно ударило в броню. Танк охватило пламя. Геша погиб, но назад не отступил ни шагу. Так сражался и так погиб герой Геннадий Воеводин. Вечная слава ему!

Так говорит народ

Береги страну как зеницу ока.

Разлученный с возлюбленной плачет семь лет,
разлученный с Родиной плачет до смерти.

В бою рождаются герои.

Народ — это священное место, а уходящий
от народа — потерянный человек.

Смерти бояться — на свете не жить.

Не дается тем победа, кто от клятвы от-
ступил.

Кто любит свою Родину и советский народ,
тот подлинный патриот.

Человек без Родины — соловей без песни.

Трус умирает тысячу раз, а герой только од-
нажды.

Лучше смерть славная, чем жизнь позорная.

Плохой сын — имя хорошего отца срамит.

Г.И. Богданенко

Григорий Богданенко

Многое припомнил Григорий в эту темную ночь. И серый, слегка накренившийся над логом дом, где он провел свои детские годы, и студеную воду Десны, которая каждый год заливала этот лог до самого порога хаты, цветущие сады Черниговщины и уютившееся среди них родное село Крихаев. Вспомнил он и свою юность, шумные улицы Киева, мелодичные звуки оркестра в раскинувшемся над самым Днепром многолюдном парке, и те напряженные дни, когда шумный веселый Киев вдруг ошетинился против врага бесконечными рядами колючей проволоки, эскарпов, баррикад и траншей.

Тогда поезд умчал его в далекую Грузию. Там он был зачислен в запасной полк и направлен на курсы механиков-водителей.

Теперь, в эту весеннюю ночь, он мчался уже по просторам украинских степей. И чем больше счастливых дней воскресало в его памяти, тем сильнее пробуждалась в нем ненависть к тем, кто растоптал это счастье, тем больше он ощущал непримиримую потребность мстить и мстить.

Далеко позади сверкали разрывы — там грохотал неумолкающий бой. Три боевые советские машины пробирались по глубоким тылам противника, стремясь незамеченными выйти на стратегически важную шоссейную дорогу и отрезать единственный путь отхода отступающей группировке немцев.

В черноте ночи неясно выступили контуры небольшой деревушки. Машины остановились.

— Необходимо произвести разведку села! — сказал командир взвода Брыков.

Танкисты постучались в крайнюю хату. Из нее, пристально всматриваясь в темноту, вышла старушка.

— Немцев много в селе? — спросил ее Богданенко.

— А вы кто такие будете?

— Русские солдаты! — ответил Григорий.

Старуха от неожиданности явно растерялась.

— Голубчики вы мои, солдатики вы мои ридни! — произнесла взволнованная женщина.

— Так много ли немцев-то в селе? — снова спросил Богданенко.

— Много, сыночек, много! — ответила старуха. — Поди уж третий день мимо нашего села-то едут и едут. А там вон, — она показала рукой на противоположный край села, — они своих «тигров» вкопали, семь штук, и пушек много.

Командир взвода тотчас принял решение стать в засаду. Танки быстро рассредоточились и приготовились к отражению возможных атак неприятеля.

Под утро на усиление засады прибыло еще четыре наших танка, и в полдень разгорелась жестокая схватка. Семь вражеских «тигров» со всех сторон поползли к засаде. Гвардейцы решили перейти в контратаку. Танк Богданенко первым вырвался вперед и, смело маневрируя на поле боя, вышел во фланг наступающим «тиграм».

В стане врага произошло замешательство. Этим воспользовались гвардейцы, и скоро на бугре уже запылали четыре вражеские машины. Остальные откатились обратно, но тотчас предприняли новую, еще более яростную атаку. Гвардейцы вновь отбросили врага и удержали занятый рубеж до подхода наших основных сил. Задача была выполнена отлично. Враг не пробился сквозь ряд гвардейцев и оказался в прочных тисках наших подразделений.

Танк Григория Богданенко двинулся дальше. Теперь ему предстояло одному из первых преодолеть две большие водные преграды и стремительным броском ворваться в город, навести панику среди оставленного там немцами гарнизона и парализовать его сопротивление. Успех этой операции во

многом зависел от мастерства механика-водителя. И Григорий Богданенко сумел добиться победы. Его машина успешно форсировала реки и быстро помчалась вперед, делая резкие зигзаги то вправо, то влево, ускользя от вражеских снарядов.

Появление советского танка на улицах города было столь ошеломляющим для немцев, что они, бросив все, поспешили было спастись бегством. Но немногим удалось улизнуть из-под меткого огня грозной машины Богданенко.

Город вновь стал советским. Грудь богатыря Григория Богданенко украсили орден Ленина и Золотая Звезда. Имя его вписано в славный список Героев Советского Союза — лучших сынов Украины!

Звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и Золотой Звезды было присвоено механику-водителю танка старшине Г.И. Богданенко в период Проскуровско-Черновицкой операции войск 1-го Украинского фронта в последние дни марта 1944 года. Это же высокое звание было присвоено посмертно старшине А.А. Худякову, павшему смертью героя в боях за Черновцы.

Александр Худяков

Самолет делал плавные крены то вправо, то влево, словно вальсируя под звуки неуловимой небесной мелодии. Летчик пристально всматривался в проплывающий под самолетом пейзаж живописной местности.

Слева бесконечной вереницей тянулись Уральские горы, справа — зеркальной змейкой струилась река, по берегам которой зелеными коврами раскинулись пастбища. А дальше шли поля башкирской пшеницы.

Самолет резко пошел на снижение и через несколько секунд приземлился у деревни. Сельские ребята гурьбой высыпали из крайней улицы к крылатой машине. Впереди оказался рыжеволосый парнишка. Добежав до самолета и увидев летчика, паренек восторженно вскрикнул:

— Так это же брат Сашки!

Но Сашки среди ребят не было, и паренек побежал за ним. Вскоре он вернулся к самолету с высоким черночубым парнем по имени Сашка. Братья бросились в объятия и поцеловались.

Эта встреча с братом оставила неизгладимый след в памяти Александра Худякова. Когда он смотрел на голубые петлицы брата-полковника, в нем пробуждалось чувство гордости и даже некоторой зависти. В десятый раз он повторял тогда свою просьбу:

— Возьми меня к себе в часть. Уж если не летчиком, так хоть шофером стану.

— Возьму, — успокаивал брат. — Когда призовут тебя в армию, тогда и возьму!

И наконец это случилось.

...После медицинского осмотра Александр в последний раз подошел к столу призывной комиссии. Ему задали вопрос, в каком роде войск он желает проходить службу.

— В авиации, в полку своего брата! — без заминки ответил он.

— Но состояние вашего здоровья не позволяет вам быть летчиком, — возразил ему пожилой военврач.

— Я хочу знать машину и могу быть кем угодно! — упорно настаивал на своем Александр.

Призывная комиссия пошла на уступки, и Александр получил назначение в авиационную часть.

С этого дня началась его новая жизнь.

Боец Худяков быстро овладевал военными навыками. За короткий срок он изучил автомашину и стал отличным шофером. Но сердце рвалось в небо. Все свободное время он проводил на аэродроме.

Годы действительной службы промчались быстро. Александр так свыкся с военной жизнью, что и не собирался уходить из армии. Он остался на сверхсрочную.

Службу нес исправно, был требовательным к себе, но главного — стать летчиком — он все-таки не добился. Неумолимые врачи запретили ему «идти в воздух». Но во время Великой Отечественной войны Александр нашел свое счастье в другом. Судьба привела его к танку, и он стал механиком-водителем.

Холодные волны реки плескались о берег. Ветер трепал выбившиеся из-под кожного шлема черные как смоль волосы. Александр грузно ступал на мокрый песок, выбирая, где лучше провести танк. Ни свистящие пули, ни воюющие снаряды не смущали его спокойствия. Выбрав удобный участок для переправы, гвардии старшина Худяков с прежним спокойствием принялся конопатить все щели в машине.

Ему, лучшему механику-водителю, доверили выбрать место для переправы и первому проложить путь через две водные преграды. Он сознавал эту ответственность и готовился к делу с особой тщательностью. Подготовив танк, он завел мотор и двинулся к речке.

Рассекая волны, машина шла к противоположному берегу. Еще несколько тревожных мгновений — и танк вышел на сушу. Следом за ним двинулись остальные машины.

Танк Худякова помчался по равнине вперед. Внезапно врываясь в села, занятые противником, он сеял панику среди немцев. Но вдруг в машине сильно запахло гарью, блеснул огонь.

— Горит трансмиссия! — крикнул командир экипажа гвардии лейтенант Леднев.

— Пробуйте потушить, я сбавлю скорость, — ответил Худяков.

Экипаж энергично принялся за дело. Через несколько минут огонь был потушен, и танк вновь громил банды гитлеровцев.

Около трехсот фашистов нашли себе могилу под гусеницами танка Худякова в эту весеннюю ночь. И в последующих схватках с врагом танк Александра также успешно истреблял гитлеровцев и их технику.

Родина высоко оценила бессмертный героизм гвардии старшины Александра Худякова, удостоив его высшей награды — звания Героя Советского Союза.

Март 1944 года. При освобождении города Черновцы от гитлеровских оккупантов отличилось отделение автоматчиков под командованием сержанта Юнуса Юсупова. Вступив в город, они узнали от местных жителей, что неподалеку томится в тюрьме группа патриотов. Юсупов понимал, что при отступлении гитлеровцы постараются расправиться с заключенными патриотами. И он принял решение атаковать тюрьму. Освобожденные с огромной радостью встретились со своими избавителями и тут же присоединились к ним.

С их же помощью сержант достал у местных жителей красное полотнище и, неся его как знамя, повел отделение к зданию, где до оккупации помещался городской Совет депутатов трудящихся. Над ним развевался ненавистный фашистский флаг. Юсупов быстро взобрался на крышу дома. И вот уже сброшен флаг со свастикой, а на его месте под ликующие крики «Ура!» взвилось красное знамя.

25 мая 1944 г.

Лейтенант Азаров

27 июля 1944 года Москва салютовала войскам 1-го Украинского фронта за освобождение Львова и Станислава, на следующий день — за овладение Перемышлем и Ярославлем, а еще через пару дней передовые части нашей армии вырвались к Висле и, форсировав ее, заняли на западном берегу небольшой плацдарм. Враг бросил большие силы, чтобы отрезать и уничтожить прорвавшиеся войска. Шли ожесточенные бои. Наши воины героически отражали натиск противника. Гитлеровцы, прорвавшись на подступы к огненным позициям батареи лейтенанта А.Н. Азарова, бешено рвались вперед. Это была уже их третья контратака за день. Первые были отражены гвардейцами-артиллеристами. Теперь же врагу удалось приблизиться к ним почти вплотную — фашистов отделяло от батареи не более ста метров.

Но именно это расстояние стало непреодолимым для врага. Ряды контратакующих таяли на глазах. Буквально по трупам своих солдат гитлеровцы подбирались к батарее с двух сторон, но так и не смогли прорваться сквозь стену огня. Тогда они разделились на две группы, одна из которых начала обходить артиллеристов с тыла. Но гвардейцы картечью, гранатами, огнем автоматов уничтожили группу обходивших. Разъяренные фашисты вновь полезли с фронта, одновременно выкатив пушку на прямую наводку. Однако наши артиллеристы и на этот раз опередили противника. Первым же снарядом вражеская пушка была уничтожена вме-

сте с прислугой. Ни на шаг не отступили артиллеристы с лейтенантом Азаровым.

...24 апреля 1945 года. Форсирование реки Шпрее. На указанном участке первым под прикрытием ночной темноты переправился 3-й мотострелковый батальон с противотанковой батареей лейтенанта А.Н. Азарова. Противник обнаружил наших воинов, когда они уже преодолели реку, и обрушил на них сильный огонь артиллерии и минометов. У самого берега гвардейцев встретили пулеметные и автоматные очереди. Но враг спохватился поздно. Выскочив на берег, мотострелки с ходу вступили в бой. Их поддержали артиллеристы, в считанные минуты развернувшие свои пушки. Шаг за шагом батальон отеснял гитлеровцев от берега, очищал от них дом за домом. Тем временем враг перешел в контратаку. С особым упорством фашисты пытались прорваться к батарее Азарова. На ее огневые позиции наступали две роты пехоты с пятью танками и артиллерией. В ожесточенном бою им удалось вывести из строя несколько наших артиллеристов, в том числе двух командиров взвода. Лейтенанту Азарову пришлось непрерывно переходить от орудия к орудию, ставя задачи расчетам, а нередко и самому вести огонь. Воодушевленный своим командиром личный состав батареи героически отразил натиск врага.

За стойкость и мужество командование наградило весь личный состав батареи и многих автоматчиков орденами и медалями. Лейтенанту А.Н. Азарову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Долг зовет

Григорьев снял со стены планшет и еще раз одернул на себе аккуратно заправленную под ремень гимнастерку.

На левой стороне ее чуть повыше грудного кармана сверкали орден Ленина, два ордена Славы и Золотая Звезда Героя Советского Союза.

О чем рассказать молодым солдатам в этот предпраздничный день, Илья Леонович Григорьев продумал еще накануне. Много поучительного и интересного припомнил он из своей боевой биографии. Но в памяти продолжали воскресать все новые и новые подробности военных лет. Вот и сейчас это свежее майское утро напомнило ему весну 1942 года. Тогда он открыл личный счет мести врагу, а полтора года спустя вписал в свою памятную книжку уже двухсотого гитлеровца. В армейских газетах появились крупные заголовки: «Привет снайперу Григорьеву — первому на нашем фронте кавалеру ордена Славы!», «Бейте фашистов, как Григорьев!»

Почти одновременно получил Илья письма от своих четырех братьев. Они служили в разных частях и подразделениях. Петр был танкистом, Роман — разведчиком, Иван — радистом, Никита действовал в партизанском отряде.

Самым коротким было письмо Романа. «Нашим девизом, — писал он, — стали слова великого Сталина: «...Бить врага без промаха, как бьют их наши славные снайперы...» Горжусь тем, что мой брат с честью носит это высокое звание».

Рассматривая присланную братом открытку, Илья заинтересовался помещенным на ней рисунком. На рисунке был изображен молодой улыбающийся боец. За спиной у него висела снайперская винтовка. В левой руке он держал пять отстрелянных гильз, а в правой — раскрытую памятную книжку с пометкой «уничтожено пять солдат противника». Подпись под рисунком гласила: «Что ни патрон — то гитлеровец!»

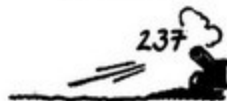
Много удачных «охот» имел уже к этому времени на своем счету Илья, но искусство, к которому призывал с открытки ладный улыбающийся солдат, для Григорьева было еще не всегда доступным.

«...Бить врага без промаха...» — ни на минуту не забывал Григорьев сталинского наказа. «Но все ли я сделал, чтобы выполнить этот боевой приказ?» — спросил себя молодой снайпер и задумался.

...В этот день Григорьев вернулся с «охоты» позже, чем обычно. Восемь гильз выложил он на стол перед своим командиром, и лишь одна из них не приумножила боевого счета Ильи. Семь врагов за день — это был отличный результат в борьбе с «зарывшимся в землю» противником.

— Вот что значит поражать цель с первого выстрела, — сказал тогда Григорьев своим товарищам, и все подразделение снайперов взяло себе за правило: не допускать ни одного промаха.

Умело выслеживал и истреблял врагов снайпер Илья Григорьев. Его опыт перенимали другие. Так и зародилась на фронте школа знатного снайпера — «фронтной

стрелковый университет», как называли ее потом однополчане Григорьева. 135 метких стрелков-«охотников» воспитал Илья в этой фронтовой школе.

В армии Григорьев вступил в партию и дал клятву высоко нести честь коммуниста.

На третьем году боевой жизни он вписал в свою памятную книжку знаменательную для него цифру «301», после чего вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Высокую награду вручил ему в Кремле Михаил Иванович Калинин.

Вскоре наши войска форсировали Неман. Во время одного из сражений Илья был тяжело ранен. В шестой раз. Уверно служившей ему «снайперки» осколками мины вдребезги был разбит оптический прицел и сильно помят ствол. Но не суждено было знаменитой винтовке исчезнуть из оружейных списков полка. От товарищей Григорьев узнал, что она долгое время хранилась в боевой гвардейской семье. На прибитой к ней медной табличке была выгравирована надпись: «Выполняя долг перед Родиной, Герой Советского Союза Григорьев метким огнем из этой винтовки истребил 328 гитлеровцев, в том числе 67 офицеров и 18 снайперов».

Но и после демобилизации он был верен своему долгу: передавал богатый боевой опыт молодежи, обучал сложному снайперскому искусству.

Первое «Ура!»

От времени этот вырезанный из журнала фотоснимок пожелтел, но как он дорог каждому из бойцов подразделения!

Что на нем запечатлено? Взглянув даже мельком, нетрудно понять, что дело происходит в Берлине у так называемой колонны Победы.

— Но чем так густо усыпано небо? — недоуменно спросите вы. И вам не без гордости ответят:

— Это подброшенные в воздух, может быть, не по одному разу простреленные в боях шлемы славных танкистов нашего подразделения.

Под снимком краткая подпись: «Первое «Ура!» в честь взятия Рейхстага».

Часто собираются у этой реликвии молодые воины.

Вот и сейчас с затаенным дыханием слушают они воспоминания участника тех событий, трижды орденосца, гвардии старшины Летучева.

— Я был в экипаже Героя Советского Союза гвардии майора Пинского, — не спеша рассказывает старшина. — Ночь на 1 Мая. Берлин в огне. От пожаров светло и душно, как при ярком закате августовского солнца. В грохоте стрельбы и канонады не всегда можно было расслышать не только что тебе говорят, но даже что кричат на ухо. Пинский сам достал из машины приготовленное нами еще накануне красное знамя, и знаком приказал мне вынуть его из чехла. Я понял, что

Через Шпрее. Берлин, апрель 1945 года

предстоит последний и решительный штурм Рейхстага.

Но с нетерпением ожидаемая команда «вперед» все еще не поступала. Убедившись, что в танке воздух меньше насыщен гарью, я опять залез в машину и прислонил отяжелевшую голову к холодной броне башни. И вдруг броня танка так задрожала, что моя голова запрыгала, как мячик. Оказывается, началась мощная подготовка из всех видов артиллерии, находившейся к этому времени в городе.

Вставал рассвет. Это был рассвет Победы. В голове колонны взвился красный флажок.

— Идем в атаку, — крикнул мне на ухо Пинский. И сердце забилося так часто, что мне не стало хватать воздуха. Я, кажется,

Танкисты корпуса вышли на окраины Берлина

очень широко раскрывал рот. Пинский даже рассмеялся.

— Ты что, — говорит, — как карась на сковородке дышишь. Не в таких переплетах бывал — не волновался, а теперь вдруг и рот разинул.

— Не от страха это, товарищ майор, — говорю я, — а оттого, что дожить довелось до такой великой минуты.

Двинулись в атаку. По каждому дому приходилось бить из пушки, но продвигались все-таки быстро. Улицы горели сплошным гигантским костром. Над машиной бесновались языки пламени.

И вдруг приказ: «Прекратить огонь». Наступило затишье. Из уст в уста передавались всего лишь два слова: «Берлин капитулиру-

ет». Никто не спрашивал, как и откуда узнали.

Однако, как стало известно потом, этими первыми переговорами немцы пытались просто выиграть время. Опять был отдан приказ открыть огонь. И Берлин задрожал от невиданной по мощности артиллерийской пальбы. Это было похоже на извержение вулкана. Чтобы вам легче было представить себе, что это был за огонь, могу сказать, что только на одном километре фронта у Унтер-ден-Линден стояло свыше пятисот советских орудий, и все они били до тех пор, пока стволы не накалились чуть ли не докрасна. День почернел.

К самому Рейхстагу наши танки пробиться все еще не могли, но мы уже видели это серое, объятые огнем, здание. Над ним реял изрешеченный пулями советский флаг. Раненые пехотинцы рассказывали, что знамя водрузил один из разведчиков. Когда он забрался на крышу Рейхстага, немцы стали поливать его свинцовым дождем. Но солдатгерой чувствовал себя под пулями спокойно. Прикрепив знамя, он крикнул бойцам своей роты: «Ну как, всем видно?» И радостно засмеялся, первым подбросив вверх свою пилотку, которую, говорят, на лету растрепало автоматной очередью.

Бои в самом Рейхстаге продолжались всю ночь. Утром 2 мая из подземелий Рейхстага с белым флагом в руках вышло более 700 гитлеровцев, но мелкая перестрелка в здании все еще не прекращалась.

— Мы подъехали вплотную к колонне Победы. — Продолжал рассказывать Лету-

чев, — гвардии старшина Алякин стремглав пустился к памятнику и вскарабкался чуть ли не на самую его вершину. Как увидели солдаты рядом с крылатой фигурой Победы машущего шлемом советского танкиста, так и грянули, не сговариваясь, дружное «Ура!», которое не смолкало часа два. Вот это-то «Ура!» и запечатлено на снимке, который вы видите, — закончил старшина. И воины вновь устремили свои взоры на пожелтевший, ставший уже святыней части, документальный фотоснимок.

1 мая 1946 г.

Из истории части

Утром 21 апреля 1945 года в штаб армии поступила следующая телеграмма командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Советского Союза Г.К. Жукова: «1-й Гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы... Пошлите от каждого корпуса по одной бригаде в Берлин...»

Осуществление этой ответственной и почетной задачи полковник А.Х. Бабаджанян возложил на самую прославленную бригаду корпуса — 44-ю Гвардейскую танковую во главе с дважды Героем Советского Союза полковником И.И. Гусаковским.

В середине дня бригада приступила к выполнению задачи. Сломив яростное сопротивление гитлеровцев, 22 апреля она ворвалась в Уленхорст — восточную окраину

А.Х. Бабаджанян

Берлина. Здесь и произошло знаменательное событие — был водружен Государственный флаг СССР над зданием штаба фольксштурма в Берлине.

Второе красное знамя было поднято над самым высоким зданием Карлсхорста войнами 1-го танкового батальона 40-й Гвардейской танковой бригады под командованием майора Б.П. Иванова. Батальон первым ворвался в этот пригород.

...Шли жестокие кровавые бои. Гитлеровцы внутри города создали девять секторов обороны, насчитывающих до четырехсот железобетонных дотов, многие из которых имели стены толщиной 2,5 метра, а перекрытия высотой до 3 метров. Это были настоя-

шие крепости, вмещающие гарнизоны численностью до тысячи солдат и офицеров. Многочисленные зенитные батареи, расположенные на крышах прилегающих зданий, защищали их от бомбардировок. Много танков и орудий стояло наготове в укрытиях на всех улицах, перекрытых к тому же тяжелыми баррикадами. Подвальные помещения многих зданий соединены бетонированными переходами, позволяющими врагу скрытно маневрировать силами. Но не было такой силы, которая смогла бы сдержать могучий натиск Красной Армии, несшей на своих знаменах освобождение человечества от фашизма, и не было меры доблести и героизму советских войск.

И вот, наконец, частям 2-го Гвардейского танкового корпуса в 6 часов утра 2 мая было приказано прекратить огонь. Спустя четыре часа они соединились с выдвинувшимися в центральную часть Тиргартена войсками 5-й ударной, 2-й и 3-й Гвардейских танковых армий. Здесь, на парковой площади Гроссерштерн, куда первыми вышли воины 11-го Гвардейского танкового корпуса, водрузившие над ней красный флаг, стихийно возник митинг войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Воины-победители радостно обнимали и целовали друг друга, в воздух взлетали фуражки, пилотки. Неумолчно гремело и перекатывалось по площади могучее «Ура!»

Берлин пал. Пришла долгожданная Победа...

